

Талия Хибберт

ЛУЧШИЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН 2019 ГОДА ПО ВЕРСИИ
PUBLISHERS WEEKLY, KIRKUS, APPLE И AMAZON!

БОЛЬШЕ ЖИЗНИ, Хлоя Браун!

Романтика 2.0

Талия Хибберт

Больше жизни, Хлоя Браун!

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Хибберт Т.

Больше жизни, Хлоя Браун! / Т. Хибберт — «Издательство АСТ», 2019 — (Романтика 2.0)

ISBN 978-5-17-147194-1

Лучший любовный роман 2019 года по версии «Publishers Weekly», «Kirkus», «Apple» и «Amazon»! Хлоя Браун – веб-дизайнер и хронически больная домоседка, помешанная на планах и списках. Однако оказавшись на волосок от смерти, она понимает: Вселенная подает ей знак. Пора сделать что-то с собственной жизнью! Верная себе, Хлоя составляет список. Ее замысел прост: она выполнит все пункты и автоматически станет другим человеком. Дерзкой и интересной, полной энергии и драйва женщиной, для которой не проблема прокатиться на мотоцикле, отправиться путешествовать с одним рюкзаком или подцепить горячего партнера для «ни к чему не обязывающего, но чрезвычайно приятного секса». Правда, в одночасье сделаться гадкой девочкой совсем не так просто – пусть даже у тебя есть пошаговая инструкция. Но Хлое снова везет: похоже, она нашла себе хорошего учителя плохого поведения... Упоминающиеся в книге социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм», принадлежащие корпорации Meta, признанной в России экстремистской организацией, запрещены на территории РФ.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-147194-1

© Хибберт Т., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предупреждение от автора	7
Пролог	8
Глава первая	12
Глава вторая	24
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	44
Глава шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Талия Хибберт

Больше жизни, Хлоя Браун!

Посвящаю это моей матери, которая не останавливалась ни перед чем

Talia Hibbert
GET A LIFE, CHLOE BROWN!

Copyright © 2019 by Talia Hibbert
© Екатерина Зиганшина, перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предупреждение от автора

Эта история затрагивает процесс исцеления после абьюзивных отношений. Если вы чувствительны к данной теме, пожалуйста, имейте это в виду. Надеюсь, я достаточно осторожно обошлась с этим вопросом, моими персонажами и вами, читатель.

Пролог

Однажды Хлоя Браун умерла.

Почти.

Это, само собой, случилось днем во вторник. Складывалось впечатление, что неприятности всегда случаются по вторникам. Хлоя подозревала, что этот день недели проклят, но до сих пор делилась подозрениями только на определенных интернет-форумах – и с Дани, наиболее странной из двух крайне странных своих младших сестер. Дани тогда сказала Хлое, что та чокнулась и что ей следует проговаривать положительные аффирмации¹, чтобы избавиться от этой негативной вторичной энергии.

Так что, когда Хлоя услышала крики и визг шин и, посмотрев направо, увидела, что прямо на нее несется блестящий белый «Рендж Ровер», ее первой нелепой мыслью было: «Я умру во вторник, и Дани придется признать, что я была права».

Но в итоге Хлоя таки не умерла. Ее даже не ранило – что принесло ей огромное облегчение, потому что она и так уже провалялась в больницах немало времени. «Рендж Ровер» пролетел мимо и врезался в кофейню. А ведь всего три фута – и лобовое столкновение пьяной водительницы со стеной из кирпича превратилось бы в лобовое столкновение с Хлоей из плоти и крови. Металл смяло, как бумагу. В средних лет женщину на водительском сиденье впечаталась подушка безопасности – только короткие светлые волосы мелькнули. Набежал народ, кто-то закричал, что нужно вызвать скорую.

Хлоя смотрела на это во все глаза, и смотрела, и смотрела.

Мимо сновали люди, время шло, но она почти не замечала этого. Мозг переполняла бесполезная информация, как будто голова превратилась в папку «Корзина». Хлоя размышляла, во сколько кофейне обойдется ремонт. Размышляла, покроет ли это страховка или платить придется водительнице. Размышляла, кто подстригал эту женщину, потому что прическа у нее была шикарная, и стильная укладка более-менее держалась, даже когда ее обладательницу выволокли из машины и уложили на каталку.

В конце концов какой-то мужчина коснулся плеча Хлои и спросил:

– Вы в порядке, дорогая моя?

Она обернулась и увидела врача скорой помощи с добрым морщинистым лицом и в черном тюрбане.

– Кажется, у меня шок, – ответила Хлоя. – Можно мне шоколада? «Грин энд Блэк». Мой любимый – с морской солью, но темный с восьмидесятипятипроцентным содержанием какао, наверное, обладает лучшими лекарственными свойствами.

Врач хмыкнул, накинул ей на плечи одеяло и осведомился:

– Чашечка чая сойдет, ваш-личество?

– Ох, да, будьте добры.

Хлоя поплелась за ним к скорой. Где-то на полпути осознала: ее так трясет, что она едва передвигает ноги. Наученная многолетним опытом жизни в чрезмерно капризном теле, она стиснула зубы и заставила себя шагать дальше.

Добравшись наконец до скорой, она как можно осторожнее села – не хватало еще рухнуть в обморок. Тогда врач начнет задавать вопросы. Потом, возможно, захочет ее обследовать.

А тогда придется рассказывать ему о своих особенностях и о том, почему беспокоиться не стоит, и они оба проторчат тут целый день. Своим самым «я-очень-даже-здорова-и-все-контролирую» тоном Хлоя поспешила спросить:

– С этой женщиной все будет хорошо?

¹ В популярной психологии – позитивное утверждение самовнушительного толка.

– С водителем? С ней все будет в порядке, милая. Не волнуйтесь об этом.

Хлою внезапно отпустило – а она и не замечала, насколько были напряжены ее мускулы.

В конце концов после двух чашек чая и пары вопросов от полиции ей позволили завершить ее вторичную прогулку. Больше на волоске от смерти она не оказывалась – и это было прекрасно, потому что в противном случае она непременно сделала бы что-нибудь неподобающее, например расплакалась бы.

Вернувшись в фамильный дом, она вошла через северное крыло и прокралась на кухню в надежде на укрепляющие дух вкусняшки, но, вместо них, наткнулась на свою бабушку Джиджи, явно ее поджидавшую. Джиджи развернулась, взметнув полами длинного фиолетового халата – того, который Хлоя подарила ей на четвертый (или пятый?) семидесятилетний юбилей несколько месяцев назад.

– Дорогая, – выдохнула Джиджи, цокая по плитке каблучками домашних туфель. – Ты выглядишь так... изможденно. – Из уст Джиджи – одновременно заботливой бабушки и до боли красивой джазовой легенды – это звучало как грубейшая критика. – *Где ты была? Ушла* – и пропала, даже на звонки не отвечала. Я довольно-таки взволновалась.

– О боже, мне очень жаль.

Хлоя вышла из дома несколько часов назад, чтобы совершить одну из своих нерегулярных запланированных прогулок, – *запланированных*, потому что на них настояла ее психотерапевт, *нерегулярных*, потому что ее хронически больное тело часто просто отказывалось делать некоторое вещи. Обычно она возвращалась в течение получаса – неудивительно, что Джиджи запаниковала.

– Ты же не позвонила родителям, правда?

– Конечно нет. Я решила, что тебе подурнело, но ты быстренько соберешься и велишь какому-нибудь прохожему поймать тебе такси.

Деликатным словом «подурнело» Джиджи описывала те случаи, когда тело Хлои просто переставало функционировать.

– Мне не дурнело. Вообще-то, я весьма неплохо себя чувствую. – *Сейчас, по крайней мере.* – Просто произошла... небольшая авария.

Джиджи ухитрилась одновременно окаменеть и грациозно усесться за мраморный кухонный островок.

– Ты не пострадала?

– Нет. Какая-то женщина врезалась в стену прямо перед моим носом. Это было очень драматично. Меня угостили чаем в пластиковом стаканчике.

Джиджи воззрилась на Хлою кошачьими глазами, оказывающими на простых смертных гипнотическое воздействие:

– Не желаешь ли принять «Ксанакса»², дорогая?

– Ох, мне нельзя. Не знаю, как он будет взаимодействовать с моими таблетками.

– Конечно-конечно. А! Знаю. Я позвоню Джереми и скажу, что у нас критическая ситуация.

Джереми был психотерапевтом Джиджи. Строго говоря, Джиджи не *нуждалась* в психотерапии, но Джереми ей нравился, и она верила в силу превентивных мер.

Хлоя моргнула:

– Мне кажется, это лишнее.

– Позволь с тобой не согласиться, – отрезала Джиджи. – Психотерапия никогда не бывает лишней. – Она достала телефон и, набрав номер, продефилировала в другой конец кухни, снова зацокав каблучками по плитке. – Джереми, дорогой! *Как ты? Как Кассандра?* – промурлыкала Джиджи.

² Популярное на Западе успокоительное и снотворное.

Все эти звуки были совершенно обычными. И все же, безо всякого предупреждения, они запустили в голове Хлои некий катастрофический процесс.

«Цок-цок-цок» каблуков бабушки смешалось с «тик-тик-тик» часов на стене. Звуки становились все громче, странным образом делались хаотичнее, пока Хлое не начало казаться, что в ее голове грохочет камнепад. Она зажмурилась – стоп, при чем тут глаза, если проблема в звуках? – и в созданной ею темноте всплыло воспоминание: те взметнувшиеся короткие светлые волосы. То, какими они оставались гладкими и сияющими на фоне черной кожи носилок.

«Пьяная», – сказал тогда приглушенным голосом приятный врач. Так они подозревали. Та женщина напилась посреди бела дня, вылетела на тротуар и врезалась в здание, а Хлоя...

А Хлоя стояла совсем рядом. Потому что всегда гуляла в одно и то же время, чтобы не прерывать рабочий распорядок. Потому что всегда ходила одной и той же дорогой продуктивности ради. Хлоя стояла *совсем рядом*.

Ее бросило в пот. Голова закружилась. Нужно сесть, прямо сейчас, чтобы не упасть, чтобы голова не расколослась, как яйцо, о мраморную плитку. Тут же вспомнились слова матери: «Надо поменять полы. Эти обмороки становятся совершенно непредсказуемыми. Она расшибется».

Но Хлоя настояла, что это необязательно. Она пообещала быть осторожной и, ей-богу, держала слово. Медленно, очень медленно она сползла на пол. Положила липкие ладони на прохладную плитку. Вдохнула. Выдохнула. Вдохнула.

На выдохе прошептала голосом, похожим на трескающееся стекло:

– Уми я сегодня, как звучала бы надгробная речь?

«У этой невероятной зануды было ровно ноль друзей, она не путешествовала десять последних лет, хотя возможностей было предостаточно, по выходным писала код и никогда не делала ничего, что не было запланировано в ее ежедневнике. Не оплакивайте ее: теперь она в лучшем месте. В раю и то жизнь не такая скучная».

Вот что сказали бы о ней на ее похоронах. Возможно, речь прочел бы по радио кто-нибудь особенно едкий и вредный вроде Пирса Моргана³.

– Хлоя? – позвала Джиджи. – Куда ты... Ой, вот ты где. У тебя все в порядке?

Лежа на полу плашмя и глотая воздух, как умирающая рыба, Хлоя жизнерадостно отозвалась:

– Спасибо, все хорошо.

– Хмм, – пробормотала Джиджи с некоторым сомнением, но не слишком-то обеспокоенно: – Пожалуй, я попрошу Джереми перезвонить. Джереми, дорогой мой, не мог бы ты, пожалуйста?.. – Она удалилась, и ее голос стих.

Хлоя прижалась пылающей щекой к холодной плитке и постаралась вставить в свою воображаемую надгробную речь еще несколько оскорблений. Если бы дело происходило в слащавом мюзикле – таком, какие просто обожала ее самая младшая сестра, Ив, – сейчас настал бы тот самый момент, когда героиня достигает самого дна. Всего несколько сцен отделяло бы ее от прозрения и жизнеутверждающей песни о решительности и вере в себя. Может, подзанять у этих мюзиклов жизненной мудрости?

– Прости меня, Вселенная, – пробормотала Хлоя в кухонный пол. – Сегодня, когда ты едва меня не убила – что было весьма жестоко, кстати говоря, но я уважаю твое решение, – ты этим пыталась мне что-то сказать?

Вселенная хранила загадочное молчание.

За нее, к несчастью, ответил кое-кто другой.

³ Британский и американский журналист.

– *Хлоя!* – практически провизжала ее мать, стоя в дверном проеме. – Что ты делаешь на полу? Тебе плохо? Гарнет, слезай с телефона и немедленно иди сюда! Твоей внучке *нехорошо!*

Ну вот. Момент единения с мирозданием был грубо прерван, и Хлоя кое-как приняла сидячее положение. Странное дело, но почувствовала она себя гораздо лучше. Возможно, потому, что распознала-таки послание Вселенной и впустила его в свое сердце.

Очевидно, пришло время заняться своей жизнью.

– Нет-нет, дорогая моя, не двигайся.

Тонкокостное лицо Джой Маталон-Браун, нервно отдавшей этот приказ, исказила паника, а золотистая кожа побледнела. Знакомое зрелище. Мать Хлои вместе с сестрой-близняшкой Мэри управляла более чем успешной юридической фирмой, жила почти так же логично и размеренно, как Хлоя, и многие годы наблюдала за симптомами и защитными механизмами дочери. И все равно при малейшем намеке на болезнь или недомогание ее с головой накрывала полномасштабная паника. Это, откровенно говоря, очень выматывало.

– Не суетись над ней, Джой, ты же знаешь, она этого не выносит.

– Так, значит, я должна просто игнорировать тот факт, что она тут трупом лежит на полу?
Ой-ой.

Пока мать и бабушка пререкались, стоя над ней, Хлоя решила, что первая перемена тех, что потребовала от нее Вселенная, коснется жилищного вопроса.

В гигантском фамильном гнезде ей вдруг стало тесновато.

Глава первая

Двумя месяцами позже

– Ох, вы настоящее сокровище, Рэд.

Рэдфорд Морган попытался выдавить бодрую улыбку, что было не так легко с рукой, по локоть погруженной в старушкин унитаз.

– Я просто делаю свою работу, миссис Конрад.

– Вы самый лучший комендант из всех, какие у нас только были, – проворковала миссис Конрад, стоя в дверях ванной и прижимая к костлявой груди морщинистую руку. Копна ее седых волос слегка подрагивала – настолько она расчувствовалась. Ну что за королева драмы, дай ей бог здоровья!

– Спасибо, миссис К, – рассеянно ответил Рэд. – Вы очень добры.

«А если бы вы перестали запикивать в толчок всякую хрень, мы бы вообще стали лучшими друзьями».

Это был третий раз за месяц, когда Рэда вызывали в квартиру 3Е из-за проблем с сантехникой, и, откровенно говоря, от дерьма миссис Конрад он начинал уставать. Или, точнее, от дерьма ее внуков.

Облаченная в перчатку рука Рэда наконец вынырнула из туалетных недр, сжимая насквозь мокрый ком бумажных полотенец. Рэд развернул его – внутри обнаружилась...

– Это не ваша овощная запеканка, миссис К?

Старушка по-совиному моргнула, глядя на него, а потом прищурилась:

– Да я же и понятия не имею. Где мои очки? – Она заозиралась, будто надеясь выследить их по запаху.

– Ладно, не беспокойтесь, – вздохнул Рэд. Он прекрасно знал, что это овощная запеканка, как и в прошлый раз, и в позапрошлый. Выбросив комок в урну, он вежливо заметил: – Вам надо поговорить с вашими ребятами. Они ужин в унитаз смывают.

– *Что?* – ахнула старушка, явно оскорбленная: – Не-е-е-ет. Нет-нет-нет. Мои Феликс и Джозеф? Они бы никогда так не сделали! Они относятся к еде бережно, а ужины у меня так и вовсе обожают.

– Могу поспорить, так оно и есть, – медленно сказал Рэд, – но... понимаете ли, миссис К, каждый раз, когда я прихожу сюда, я обнаруживаю, что трубы у вас забиты брокколи и грибами.

Последовало молчание – миссис Конрад переваривала эту информацию.

– Ох, – прошептала она.

Рэд еще никогда не слышал, чтобы столько уныния вкладывали в один-единственный слог. Старушка быстро заморгала, ее тонкие губы задрожали, и у Рэда сжалось сердце – он понял, что она едва сдерживает слезы. Черт побери. Он не выносил плачущих женщин. Если она уронит хоть одну слезинку – он будет сидеть тут весь вечер, радостно жрать овощную запеканку тазами и рассыпаться в комплиментах.

Только не плачь. Я заканчиваю через десять минут, и я на хрен ненавижу брокколи. Только не плачь. Только не...

Старушка отвернулась как раз в тот момент, когда первый всхлип сотряс тощие плечи.

Ох.

– Ну бросьте, миссис К, не расстраивайтесь так. – Рэд неуклюже стянул перчатки и подошел к раковине помыть руки. – Они же просто дети. Все знают, что здравого смысла у детей не больше, чем у среднестатистической козы.

Миссис Конрад негромко булькнула от смеха и снова повернулась к нему лицом, промокая глаза платочком. У старушек всегда имеется при себе платочек. Они прячут их в складках одежды, как ниндзя – сюрикены.

– Вы правы, конечно... Просто... Ну, я-то думала, запеканка – их любимое блюдо. – Она шмыгнула носом и покачала головой: – Но это неважно.

Судя по дрожи в голосе, это было еще как важно.

– Могу поспорить, у вас чертовски вкусная запеканка, – сказал Рэд, потому что, очевидно, язык у него длиннее, чем у любого другого человека на этой чертовой планете.

– Вы так думаете?

– Я знаю. Вы выглядите как женщина, которая на кухне чувствует себя как дома. – Он не был уверен, что это комплимент, но прозвучало неплохо.

И очевидно, миссис Конрад фраза тоже понравилась, потому что щеки у нее зарделись и она издала какой-то высокий звенящий звук – возможно, хихикнула.

– Ох, Рэд. А знаете, у меня ведь совершенно случайно осталось немного в холодильнике.

Ну кто бы сомневался.

– Неужели?

– Да! Не хотите попробовать? Накормить после тяжелых трудов – это меньшее, что я могу для вас сделать.

Откажись. Скажи, что у тебя планы: вечер пятницы как-никак. Скажи, что на обед съел пять бифштексов.

– С удовольствием, – ответил Рэд и улыбнулся. – Вот только сбегаю домой и приведу себя в порядок.

На то, чтобы спуститься на первый этаж к себе в квартиру – доставшуюся ему вместе с работой, – принять душ и переодеться, у него ушло тридцать минут. Поскольку жизнь он нынче вел дерзкую и веселую, Рэд сменил черный комбинезон на – *барабанная дробь, пожалуйста!* – комбинезон темно-синий, только что из стирки. По правде говоря, Рэд понятия не имел, что полагается надевать на ужин с пожилой леди, но его обычные говнодавы и кожаные штаны казались не совсем уместными.

Только закрыв дверь, он подумал, что не совсем уместной может быть вся эта ситуация вообще. Может ли он ужинать с жильцами? Не запрещено ли это? Рэд не видел в этом ничего такого, но на поприще коменданта он трудился недавно и пока не обладал достаточной квалификацией. На всякий случай он вытащил телефон и отправил сообщение Вику, домовладельцу, – и по совместительству другу, который и взял его на эту работу:

«Можно мне поужинать с милой старушкой из 3Е?»

Вик, как обычно, ответил быстро:

«Если тебе нравятся постарше, дружище, я не осуждаю».

Рэд фыркнул от смеха, закатил глаза и убрал телефон. И тут внезапно кое-что услышал. Или, точнее, *кое-кого*.

Хлою Браун.

– ...увидимся за бранчем⁴, если у меня получится, – говорила она.

Голос у нее был резкий и какой-то дорогой, как будто кто-то научил разговаривать бриллиант. Его звук всколыхнул мысли Рэда – четкое произношение Хлои напомнило ему о людях и местах, о которых он предпочел бы забыть. О других временах и о другой женщине, той, которая одной наманикюренной рукой держала серебряную ложку, во рту с которой родилась, а второй стискивала его сердце.

⁴ Субботний или воскресный завтрак, который обычно проходит не дома и подразумевает несколько более вкусные, нежели на буднях, блюда.

Хриплый тембр Хлои и воспоминания, которые он вызвал, – вот и все, что могло его предупредить. Потом Рэд завернул за угол и оказался лицом к лицу с самой обладательницей голоса. Или, если точнее, лицом к горлу. Потому что Хлоя тоже выворачивала из-за угла, и они столкнулись, и она *каким-то образом* врезалась лицом ему в горло.

Что было больно. Даже очень.

От столкновения с дыханием Рэда произошло нечто ужасное. Он сделал вдох, подавился воздухом и одновременно потянул руку к Хлое. Последнее было сделано чисто автоматически: он в кого-то врезался, так что теперь обязан был удержать этого кого-то от падения. Вот только, ясное дело, это был не просто там *кто-то*. А Хлоя, и его рука легла на ее мягкую талию. Хлоя, пахнувшая весенним садом после дождя. Хлоя, которая сейчас отпихивала его, точно зачумленного, и бормотала:

– О, боже ты... что... отстаньте от меня!

Миленькая, как пуговка, – а тон режет почище любого ножа. Рэд отпустил Хлою, пока ее не хватил инфаркт, и вздрогнул, когда его мозолистые руки скользнули по пастельному шерстяному кардигану. Хлоя попятилась, косясь с подозрением, будто он в любой момент мог на нее наброситься. Она всегда только так на него и смотрела: будто еще полминуты – и он убьет ее и освежает. Относилась к Рэду как к какому-то дикому зверю с самого дня их встречи – он тогда показывал ей квартиру, которую, как ему казалось, она ни за что не станет снимать.

Через неделю Хлоя въехала и с тех пор нарушала его покой своими замашками Снежной королевы.

– Я... Я не понимаю, как такое могло произойти, – сказала она, будто он втайне организовал все это, только чтобы ее полапать.

Стиснув зубы, Рэд попытался заверить Хлою, что вовсе не собирался ее грабить или похищать, – что, несмотря на все свои татуировки, и произношение, и все прочие мелочи, из-за которых богатенькие женщины вроде нее осуждают парней вроде него, он, вообще-то, вовсе не опасный преступник. Но вместо слов из его рта донеслось лишь бессмысленное сипение, так что Рэд сдался и сконцентрировался на дыхании. Боль в горле из резкой ядовито-желтой сделалась слабой, лимонного оттенка.

Он даже не замечал ее сестер, пока они не заговорили.

– Ой, Хлоя, – сказала самая низкая сестра, Ив. – Посмотри, что ты наделала! Бедняга сейчас себе все корешки выкашляет.

Другая сестра – Дани, как они ее называли, – закатила глаза и уточнила:

– Ты имеешь в виду «кишки», милая?

– Нет. Мы разве не должны что-то сделать? Давай, Дани, сделай что-нибудь.

– И что же мне сделать? Я что, похожа на медсестру?

– Ну, мы же не можем позволить ему задохнуться насмерть, – резонно заметила Ив. – Пропало бы впустую такое шикарное...

Голос Хлои клинком рассек их препирательства:

– Ох, да замолкните вы обе. Вы разве не собирались уходить?

– Мы не можем уйти *сейчас*. Наш любимый комендант в кризисной ситуации.

Дело в том, что, если Хлоя с первой же встречи возненавидела Рэда, то ее сестры, Дани и Ив, явно приходили от него в восторг. Обладая таким же хрустально четким произношением, явного Хлоиноного классицизма они были лишены вовсе. Рэд считал Дани – с выбритой головой и воздушными черными одеяниями – самой элегантной из трех. Улыбка у нее была такая милая, что ее следовало бы запретить законом, и зажигалась, словно лампочка, всякий раз, когда их пути пересекались. Ив же была веселушкой – младшенькая, с длинными косичками пастельных тонов и бешеной энергией, потрескивавшей вокруг нее разрядами тока. Ей нравилось флиртовать. Еще ей нравилась одежда в горошек и совершенно не сочетающиеся с такими нарядами туфли, которые оскорбляли Рэдово чувство прекрасного.

Если бы любая из *них* пять недель назад въехала в квартиру 1D, Рэд ничего не имел бы против. Но нет – это сделала Хлоя. Та самая из сестер, которая заставляла его чувствовать себя грубым, уродливым монстром. Заносчивая принцесса, считавшая его опасным по причине одного только происхождения. Почему она вообще поселилась здесь, в обычном доме для среднего класса, оставалось чертовой загадкой: в деньгах она явно не нуждалась. После Пиппы лоск обеспеченной женщины Рэд мог разглядеть за много миль.

Но он не станет думать о Пиппе. Еще никогда ничего хорошего из этого не выходило.

– Я в порядке, – выдавил он, моргая: глаза слезились.

– Видите? – быстро сказала Хлоя. – Он в порядке. Идемте.

Боже, как она его бесила. Эта женщина, дьявол ее раздери, только что перекрыла ему кислород и все равно не могла проявить элементарную вежливость. Просто невероятно.

– Приятно видеть, что любезность и участие вам не изменяют, – пробурчал Рэд. – Манерам в пансионе благородных девиц обучались?

Он пожалел об этих словах, как только они слетели с его губ. Она – жилища. Он, по милости Божьей и Виковой, комендант. Ему положено быть с ней вежливым, несмотря ни на что. Но, как выяснилось несколько недель назад, все добродушие, самоконтроль и здравый смысл покидали Рэда, стоило рядом возникнуть Хлое Браун. Честно сказать, его просто шокировало то, что она до сих пор на него не пожаловалась.

Вообще-то, это и было в ней самым странным. Она огрызалась, презрительно кривилась, но никогда ни разу не жаловалась на него. Рэд был не совсем уверен, какие из этого делать выводы.

В настоящий момент ее прищуренные глаза с тяжелыми веками за ярко-синей оправой очков горели полуночным огнем. Рэду на эстетическом уровне нравилось это зрелище, и он ненавидел себя за это – самую малость. Первым пунктом в списке раздражающих черт Хлои Браун стояло ее чертовски привлекательное личико. Она обладала такой поразительной, стиля декаданса, стиля рококо, красотой, что у него так и чесались руки взяться за карандаш или кисть. Хлоя была великолепна до невероятия: сияющая коричневая кожа, брови вразлет с легким саркастичным изгибом, губы, в которые можно погрузиться и утонуть, точно в перине. Она не имела никакого права так выглядеть. Совершенно никакого.

Но он смешал бы миллион оттенков коричневого, чтобы написать ее, а потом добавил бы каплю ультрамарина – для квадратной оправы ее очков. Густые каштановые волосы, собранные на макушке? Их Рэд распустил бы. Иногда он тарасился в пустоту и думал, как они обрамляли бы ее лицо. Но в большинстве случаев он думал, что ему не следует о ней думать. Вообще. Никогда.

Хлоя сказала ему – каждое слово четкое и взвешенное, словно выстрел:

– Мне ужасно жаль, Рэдфорд.

Судя по голосу, сожалела она так же, как оса после того, как кого-нибудь ужалит. Как всегда, с ее губ слетало одно, а глаза говорили совсем другое: в них пылала жажда убийства. Вообще-то, Рэд считался человеком доброжелательным, но он знал, что в данный момент в его взгляде читается ровно то же самое.

– Ничего страшного, – соврал он. – Это я виноват.

Хлоя пожалала одним плечом – Рэд по опыту знал, что на языке богатых людей это значит «да мне пофиг». А потом ушла, не сказав больше ни слова, потому что их словесные баталии на самом деле никогда не были насыщены словами, не считая нескольких первых пассивно-агрессивных уколов.

Он смотрел, как Хлоя уходит, а пышная юбка трепещет вокруг ее лодыжек. Сестры последовали за ней, и Рэд помахал им, когда они, оглянувшись, кинули на него обеспокоенные взгляды. Послушал, как шаги стихают вдалеке, а потом взял себя в руки, пошел в квартиру к миссис Конрад и съел ее отвратительную запеканку.

Но он больше не думал о Хлое Браун. Ни разу. Вообще ни минуты.

Кто-то может сказать, что составлять список вещей, которые хочешь изменить в своей жизни, после того как побывала на волосок от смерти, это нелепо, – но таким людям, решила Хлоя, попросту недостает воображения и любви к планированию. Она довольно вздохнула и поудобнее устроилась в куче диванных подушек.

Был вечер субботы, и Хлоя наслаждалась одиночеством. Боль в спине мучила ее сегодня так же сильно, как и вчера, ноги онемели и ныли, но даже эти проблемы не могли нарушить ее покой. Когда она взялась за ручку, намереваясь составить план своей новой жизни, первым пунктом стал переезд в отдельное жилье. Эту задачу она выполнила, что принесло – если закрыть глаза на раздражающих комендантов – одни сплошные плюсы.

Через небольшую щель между шторами в гостиной пробивались лучи вечернего сентябрьского солнца. Его теплое оранжевое свечение окутывало громадный многоквартирный дом с западной стороны, от чего втиснутый посреди зданий дворик с его сочными осенними землисто-огненными оттенками выглядел тенистым и умиротворенным. В равной мере мир в душе Хлои поддерживала и ее квартира: прохладная и тихая – только нежное жужжание ноутбук да размеренное постукивание пальцев по клавиатуре.

Счастье, независимость, подлинное одиночество. Слаще кислорода. Хлоя упивалась всем этим. Одно слово – блаженство.

И тут, вдребезги разбивая все это спокойствие, ожил телефон.

– Ох, да твою же растак.

Хлоя выделила ровно три секунды на недовольство, а потом взяла телефон и посмотрела на экран. *Ив*. Ее младшая сестра. А значит, она не сможет просто сбросить звонок и сунуть мобильник в ящик стола.

Проклятие.

Хлоя нажала «ответить».

– Я работаю.

– Ну уж нет, так не годится, – жизнерадостно отозвалась *Ив*. – Здорово, что я позвонила, да?

Хлоя обожала раздражаться – сварливость была одним из ее любимых хобби, – но так же обожала и свою глупенькую младшую сестренку. Сдерживая улыбку, она спросила:

– Чего тебе, *Иви*, малышка?

– О, я так рада, что ты спросила.

Блин. Хлоя был знаком этот тон, и он никогда еще не предвещал ничего хорошего.

– Знаешь, каждый раз, когда я отвечаю на твои звонки, я очень быстро начинаю об этом жалеть.

Она включила громкую связь и положила телефон на подлокотник, снова вернувшись к ноутбуку на коленях.

– Что за глупости. Ты меня обожаешь. Я кататонически обожательная.

– Ты имеешь в виду «категорически», милая?

– Нет, – ответила Ив. – А теперь слушай внимательно. Сейчас я дам тебе ряд инструкций. Не думай, не спорь, просто выполняй.

Ну точно: добра не жди.

– Через час в баре Хокли начинается ночь караоке – нет, Хлоя, прекрати стонать. Не думать, не спорить, просто выполнять, забыла? Я хочу, чтобы ты встала, накрасила губы...

– Слишком поздно, – с иронией перебила ее Хлоя. – Я уже в пижаме. Сегодня я никуда не пойду.

– В полдевятого? – Энтузиазм Ив поулег, уступив место неуверенному беспокойству: – У тебя же не приступ, нет?

Услышав этот вопрос, Хлоя смягчилась:

– Нет, солнышко.

Большинство людей с трудом принимали тот факт, что Хлоя больна. Фибромиалгия и хронические боли не имели видимых проявлений, так что их часто не воспринимали всерьез. Ив была здорова, и она никогда не могла бы ощутить Хлоино пробирающее до самых костей утомление, ее мучительные головные боли или резкие неприятные ощущения в суставах, лихорадку и спутанность сознания, бесчисленные побочные эффекты бесчисленных лекарств.

Но Ив и не нужно было самой прочувствовать все это, чтобы проявить сочувствие. Ей не нужно было видеть слезы или боль сестры, чтобы поверить, что ей иногда приходится несладко. Как и Дани, если уж на то пошло. Они понимали.

– Ты уверена? – с подозрением спросила Ив. – Потому что ты вчера была ужасно груба с Рэдом, а это обычно значит...

– Ерунда, – резко оборвала ее Хлоя, густо покраснев.

Рэдфорд Морган: мистер Конгениальность, всеми обожаемый комендант, человек, которому нравились *все*, кроме нее. Хотя, опять же, она редко кому нравилась. Хлоя старательно загнала все мысли о нем обратно в черный ящик.

– Я в норме. Честно. – Сегодня это была даже не ложь.

Но при необходимости Хлоя соврала бы. Иногда беспокойство родственников само по себе вымораживало хуже любого из ее симптомов.

– Хорошо. В таком случае ты точно можешь пойти со мной в караоке. Сегодняшняя тема – дуэты, а так называемая лучшая подруга меня кинула. Поэтому мне срочно требуется замена в лице старшей сестры.

– К сожалению, в моем расписании нет свободного места.

Несколькими движениями пальцев Хлоя уменьшила одно окно, увеличила другое и просмотрела вопросы от клиента по разделу отзывов. Она не совсем помнила, должны ли...

– *Расписание?* – Ив застонала. – Мне казалось, ты завязала с расписаниями. Я думала, у тебя новый подход к жизни!

– Новый, – спокойно ответила Хлоя. – А еще у меня работа.

Ага. Она нашла нужную информацию и попыталась ее запомнить, надеясь, что туман в голове не размочит все данные в течение следующих тридцати секунд. Сегодня она не увлеклась таблетками, так что кратковременной памяти, по идее, более-менее можно было доверять.

По идее.

– Суббота же, – цокнула языком Ив. – Ты работаешь *на себя*. Из дома.

– И именно поэтому должна быть дисциплинированной. Позвони Дани.

– Дани поет, как обезьяна-ревун.

– Зато она уверенно чувствует себя на сцене, – резонно заметила Хлоя.

– Отсутствие голоса уверенностью не компенсируешь. Она же не Мадонна, боже ты мой. Не думаю, что ты осознаешь всю серьезность ситуации, Хло: это не просто ночь караоке. Это конкурс.

– Да ты что.

– И угадай, какой будет приз?

– Понятия не имею, – пробормотала Хлоя.

– Ну давай. Угадай!

– Говори уже. Меня прям распирает от любопытства.

– Приз, – драматично объявила Ив, – это... билеты на рождественский тур Мэрайи Кэри!

– Билеты на... – Ох, да бога ради! – Тебе необязательно их *выигрывать*, Ив. Попроси Джиджи – она все организует.

– Смысл не в том, чтобы добыть билеты. Смысл в том, чтобы повеселиться! Ну, *веселье*, припоминаешь, – то, чего у тебя никогда не бывает?

– Это может шокировать тебя, милая, но большинство людей не находят караоке веселым.

– Ну ладно. – Судя по угрюмому тону, Ив сдалась. Но, как всегда, быстро воспрянула духом: – Кстати, о веселье... как там продвигается твой список?

Хлоя вздохнула и уронила голову на диванные подушки. Никакого спасения от этих младших сестер. А вообще – не надо было рассказывать ни той ни другой про список, который она написала, побывав на волоске от смерти и преисполнившись решимости. Они вечно смеются над ее тщательным планированием всего на свете.

Что ж, им же хуже, потому что планирование – это ключ к успеху. В конце концов, именно благодаря списку воображаемая надгробная речь Хлои теперь выглядит гораздо более жизнеутверждающей. Сегодня она могла бы с гордостью заявить, что в случае ее смерти в газетах написали бы нечто вроде:

«В солидном возрасте тридцати одного года Хлоя уехала из отчего дома и сняла убогую квартирку, прямо как обычный человек. Также она написала впечатляющий список из семи пунктов, в котором уточнила, как именно „займетя своей жизнью“. Хоть ей и не удалось отработать все пункты вышеуказанного списка до смерти, само его существование доказывает, что она наконец оказалась в лучшем и не таком скучном месте. Мы гордимся тобой, Хлоя Браун. Ты определенно прислушалась ко Вселенной».

Неплохо, но не идеально. Пусть она еще не преобразила свою жизнь, но уже находится в процессе. Как гусеница, спрятавшаяся в одобренном Вселенной коконе. Совсем скоро она выпорхнет наружу прекрасной бабочкой, которая постоянно будет занята чем-нибудь классным и шикарным, вне зависимости от того, было ли оно запланировано заранее. Все, что от нее требуется, – следовать списку.

К сожалению, Ив не разделяла ни ее терпения, ни оптимизма.

– Ну? – поторопила она, когда Хлоя не ответила. – Ты уже что-нибудь вычеркнула?

– Я переехала.

– Да, я это заметила, – фыркнула Ив. – Ты заметила, что теперь я единственная из сестер Браун, кто до сих пор не съехал?

– Правда? Я и не догадывалась. Думала, нас там еще несколько по коридорам бродит.

– Ой, да замолчи.

– Может, и тебе стоит переехать.

– Пока нет. Я еще коплю свое месячное содержание, – туманно отозвалась Ив. Одному Богу известно, на что. Спрашивать Хлоя боялась – вдруг сестра ответит «на инкрустированную бриллиантами скрипку, на что же еще». – Но ты уже несколько недель как переехала, Хлоя. В этом твоём списке целая куча пунктов. Что еще ты сделала?

В любой непонятной ситуации молчи – таков был Хлоин девиз.

– Так я и знала, – в конце концов просопела Ив. – Ты меня подводишь.

– Подвожу *тебя*?

– Да. Дани поставила пятьдесят фунтов на то, что ты бросишь свой список к концу года, но я...

– На *что* она поставила?

– Но я поддержала тебя, как хорошая и преданная сестра...

– Да что вообще с вами двоими такое?

– И вот такой-то монетой ты мне отплатила! Плюнула на него! Да еще и не хочешь помочь мне выиграть билеты на Мэрайю Кэри.

– Ты отвяжешься от меня со своим караоке наконец?! – рявкнула Хлоя. Она провела рукой по лицу, чувствуя внезапно навалившуюся усталость: – Милая. Я больше не могу разговаривать. Я правда работаю.

– Ладно, – вздохнула Ив. – Но я звоню тебе не в последний раз, Хлоя София.

– Прекрати.

– Я не успокоюсь, пока ты не перестанешь быть такой скучной...

Хлоя сбросила звонок.

Секунду спустя на экране возникло уведомление:

ИВ :)

Хлоя покачала головой со смесью любви и раздражения и вернулась к работе. Поисковая оптимизация для местных ресторанчиков, парикмахерских и других мелких заведений из списка ее клиентов сама себя не проведет. Она погрузилась в привычный мыслительный ритм поисков и обновлений... или, если точнее, попыталась. Но настрой уже сбился. Спустя пять минут Хлоя оторвалась от ноутбука и негодующе пробормотала в пустоту комнаты:

– Дани поставила пятьдесят фунтов, что я брошу свой список? Нелепость.

Спустя десять она постучала пальцами по дивану и сказала:

– Она просто не понимает тонкого искусства целеполагания, основанного на списках.

Тот факт, что Дани училась в аспирантуре, вообще ничего не значил. Она была слишком уж бунтаркой, чтобы осознать всю важность хорошего, надежного плана.

Хотя... Хлоя признавала, что давненько не заглядывала в список. Может, пришло время его проанализировать. Не успела она осознать, что делает, как ноутбук оказался закрыт и брошен в гостиной, а сама Хлоя отправилась в спальню искать в прикроватной тумбочке синий блокнот с блестками.

У Хлои было много блокнотов, поскольку списков она писала много. Ее мозг, обычно затуманенный болью или болеутоляющим (а в особо веселые дни и тем и другим), представлял собой систему запутанную и вялую, доверять которой было нельзя, так что она полагалась на аккуратно организованные заметки.

Списки дел на день, списки дел на неделю, списки дел на месяц, списки лекарств, списки покупок, списки «Врагов, Которых Я Уничтожу» (последние были довольно старыми и существовали скорее для поднятия морального духа, чем для чего-то еще), списки клиентов, списки дней рождения и – ее самое любимое – списки желаний. Если что-то можно было организовать, категоризировать, распланировать и аккуратно записать в разлинованный разными цветами блокнот – имелась большая вероятность, что Хлоя уже это сделала. А если нет – то очень скоро она могла прийти в состояние «жалкой сумятицы», как выразилась бы ее мама. У Хлои не было времени на сумятицу.

Но тот единственный список в блокноте, который она теперь держала в руках, совсем не походил на все остальные. Хлоя открыла блокнот на самой первой странице и провела пальцем по решительным крупным буквам. Здесь не было ни веселеньких рисунков, ни разноцвет-

ных закорючек, потому что, трудясь над этой конкретной страницей, Хлоя была настроена по-деловому. И *по-прежнему* оставалась настроенной по-деловому.

Это список носил название «Заняться своей жизнью». И она подошла к нему со всей серьезностью.

Отсюда вопрос: почему же квадратики возле пунктов до сих пор сиротливо пустуют?

Ее палец двинулся к самому первому пункту. По крайней мере это Хлоя сделала:

1. *Съехать.*

Она жила самостоятельно – *по-настоящему* самостоятельно, планируя свой бюджет, покупая себе еду и так далее, – уже пять недель и до сих пор еще не самовозгорелась. Родители были поражены, сестры были в восторге, Джиджи заявляла всем и каждому «А я вам говорила!» и так далее. Это приносило огромное удовлетворение.

Гораздо меньшее удовлетворение приносили пять невыполненных целей, написанные ниже:

2. *Напиться и повеселиться в клубе.*

3. *Покататься на мотоцикле.*

4. *Сходить в поход.*

5. *Заняться ни к чему не обязывающим, но чрезвычайно приятным сексом.*

6. *Попутешествовать по миру с одной только ручной кладью.*

А еще была самая последняя цель, галочку возле которой она поставила с пугающей быстротой:

7. *Сделать что-то плохое.*

О, что-то плохое Хлоя уже сделала, это точно. Только не сказать чтобы о *таком* можно было поведать сестрам. От одной только мысли у нее начинали гореть щеки. Но, когда она понесла блокнот с собой в гостиную, постыдные воспоминания упорно потянули ее взгляд в сторону окна. Запретного портала к ее «чему-то плохому». Шторы были по-прежнему задернуты – так было с момента ее последнего прегрешения, – но между ними оставался небольшой зазор, через который струился тоненький лучик света.

Возможно, стоило подойти и сдвинуть шторы поплотнее, чтобы зазора не осталось вообще, – так, на всякий случай. Да. Именно. Хлоя подкралась к широкому окну гостиной, подняв руку, чтобы это сделать... но что-то пошло не так, и не успела она осознать, что творит, как уже отвела штору в сторону, расширяя зазор, вместо того чтобы закрыть его.

Через внутренний дворик к ней устремились бледные блики – последние вдохи умирающего солнца, и Хлоя подумала: «Не смей. Не смей. Это ужасно некультурно и вообще ненормально, и ты так сделаешь только хуже...»

Но ее взгляд все равно нацелился на другую сторону двора – туда, где за стеклом не такого уж далекого окна стояла фигура.

Рэдфорд Морган усердно трудился.

«Зовите меня Рэд», – сказал он ей несколько месяцев назад. Она не послушалась. *Не смогла*. Его имя, как и все остальное в нем, было для нее *чересчур*. Хлоя чувствовала себя неловко с людьми вроде него: уверенными людьми, красивыми людьми, которые легко улыбались и которых все любили, – людьми, которым было комфортно в своем теле. Они напоминали ей обо всем, чего ей самой не доставало, и обо всех, кто ее бросил. В их обществе она была как на иголках – глупая, неловкая и бестолковая, при них ее внутренности завязывались в узел и все, что она могла, это огрызаться или заикаться.

Обычно она выбирала огрызаться.

Беда с Рэдфордом заключалась в том, что он, похоже, вечно заставлял ее в самых дурацких ситуациях. Взять хоть тот раз, когда какая-то молодая мамаша зажала Хлою в углу двора, только чтобы спросить:

– Это парик?

Хлоя, совершенно растерявшись, ощупала свой обычный незамысловатый узел, размышляя, не прицепила ли с утра по ошибке светло-платиновую накладную прядь Дани.

– ...Нет? – Неубедительность Хлои явно не впечатлила мамашу, так что она решила взять дело в свои руки, что в данном случае означало лапанье Хлоиных волос, как будто они были животным в контактном зоопарке.

Но был ли Рэдфорд свидетелем *этого* безобразия? Конечно нет. И уж тем более он не слышал, как перемазанный шоколадом ребенок этой наглой дамочки обозвал Хлою «злой страшной теткой», когда она попыталась защититься. Не-е-ет: он появился на месте происшествия, словно рыцарь в вытатуированных доспехах, именно в тот момент, когда *Хлоя* назвала эту женщину «жалким позором человеческого рода», а ее ребенка – «мерзким маленьким сопляком», – и оба эти заявления были очевидно правдивыми.

Рэдфорд уставился на нее как на Круэллу Де Виль и позволил молодой мамаше поплакаться ему в жилетку.

А потом еще тот неприятный инцидент у почтовых ящиков. Разве Хлоя была виновата в том, что какая-то чокнутая старушенция по имени *Шарлотта* Браун жила прямо над ней в квартире 2D? Или в том, что пресловутая чокнутая старушенция сослепу залезла в почтовый ящик Хлои и пооткрывала все ее письма? Нет. Нет, не виновата. Как не была виновата и в том, что, разгневанная *вопиющим преступлением*, совершенным против нее, сгоряча нашла ящик этой старушенции и вылила в щель целый термос своего утреннего чая. Откуда ей было знать, что эта Шарлотта Браун ждала от внуков из США открытки на семидесятый день рождения? Конечно, ниоткуда. Господи Иисусе, она же не умеет читать мысли.

Хлоя попыталась объяснить это все Рэдфорду, но он смотрел на нее так сердито, а потом сказал кое-что такое неприятное – это у него, негодяя, хорошо получалось, – что Хлоя сдалась. Высокомерно молчать было гораздо проще, особенно с ним. В его глазах Хлоя выглядела как ходячая катастрофа, так что днем она избегала его общества, как бубонной чумы.

А ночью иногда наблюдала, как он рисует.

Он стоял перед окном без рубашки – что, как Хлоя полагала, делало ее не только шпионкой, но и извращенкой. Но в этом не было никакого сексуального подтекста. Рэдфорд даже *почти* не казался ей привлекательным. Она не смотрела на него как на тело, ничего подобного. Издали, в темноте, Хлоя смотрела на него как на стихотворение. Было в нем что-то такое, даже когда он сердито зыркал на нее, но особенно – когда рисовал. Какая-то честность, уязвимость, которые ее завораживали.

Хлоя знала, что состоит из плоти, крови и кости, прямо как и он. Но она не была такой же живой, как он. Даже близко.

Рэдфорд стоял в профиль, сосредоточившись на холсте. Иногда он писал медленно, почти осторожно; а иной раз больше разглядывал холст, чем касался его кистью. Но сегодня он был словно ожившая буря, быстрыми плавными движениями нанося мазок за мазком. Хлоя не видела, над чем он работал, да и не хотела. Важнее было то, как едва заметно приподнимались и опускались его ребра в ритм учащающегося дыхания, и то, как он быстро, самую малость двигал головой – завораживающе, по-птичьи. Важнее всего был *он сам*.

Его лицо закрывали длинные волосы – медно-карамельная завеса с огненными проблесками. За волосами, Хлоя знала, таились волевые брови, скорее всего, сосредоточенно нахмуренные; прямой выступающий нос; изящные губы, вечно пребывающие на грани улыбки, в окружении песчаной щетины. Она любила видеть на этом лице суровое выражение сосредоточенности на работе, но понимала: лучше, когда его скрывает растрепанная шевелюра. Если

она не может видеть его, то и он точно ее не увидит. Да и вообще, ей незачем смотреть на лицо Рэдфорда, чтобы тонуть в его жизненной силе. Водопад медных прядей на широких плечах, чернила под бледной кожей – этого вполне хватало.

Если бы кто-то спросил Хлою, как выглядят его татуировки, она не смогла бы описать ни изображений, ни слов. Она сказала бы о плотной черноте и вспышках цвета. О слегка выцветших рисунках, которые словно немного приподнимались над кожей, и о тех, что расплывались по его телу, как пролитая в воду тушь. Она сказала бы о том, до чего же странно истекать кровью по доброй воле, только потому, что тебе так захотелось. Сказала бы, что чувствовала при виде них и как ей тоже хотелось бы хотеть чего-нибудь настолько сильно и достаточно регулярно, чтобы обладать собственным эквивалентом его бесчисленных татуировок.

Но никто никогда не спросит ее об этих татуировках, потому что ей не полагается о них знать.

Когда это зрелище предстало глазам Хлои впервые, она немедленно отвернулась, крепко зажмурившись, пока сердце пыталось выскочить из грудной клетки. И шторы задернула. Плотно. Но образ остался с ней, а любопытство все нарастало. Она несколько дней раздумывала: «Он был голый? *Голый* прямо перед окном? И что такое было у него в руке? Что он там *делал* такое?»

Выдержала три недели, а потом посмотрела снова.

Во второй раз она медлила, шокированная собственной дерзостью, подобравшись к окну в темноте и спрятавшись за почти закрытыми шторами. Она выглянула ровно настолько, чтобы получить ответ на свои вопросы: он был в одних джинсах, в руке держал кисть, конечно же рисовал. Она продолжила наблюдение, загнипнотизированная видом. А после этого вычеркнула из списка пункт «Сделать что-то плохое» и попыталась почувствовать радость, а не вину. Не вышло.

А в этот раз? В третий раз? «В последний раз», – твердо сказала она сама себе. Какое теперь у нее оправдание?

Оправданий не осталось. Ясное дело: Хлоя была презренной личностью.

Рэд замер, выпрямился, сделал шаг назад. Хлоя видела, как он откладывает кисть и разминает пальцы, – явное свидетельство того, что он проработал несколько часов. Она позавидовала тому, сколь на многое способно его тело, как долго может оно простоять на месте, не жалуясь и не страдая. И не наказывая владельца. Хлоя приоткрыла штору пошире – ее завистливые руки двигались сами по себе, пролив еще чуть больше света на ее черную вину.

Рэд резко повернулся. Посмотрел в окно.

Прямо на нее.

Но Хлои уже не было на месте: она задернула штору, отшатнулась и прижалась к стене гостиной. Сердце так колотилось, что пульс болезненно отдавался в горле. Дыхание стало неровным и тяжелым, как будто она только что пробежала целую милю.

Он ее не увидел. Не увидел. *Не увидел.*

И все же Хлоя не могла удержаться от мысли – что бы он сделал, если бы все-таки увидел?

Глава вторая

С чего бы женщине, которая практически ненавидит Рэда, проводить вечер наблюдая за ним из окна?

Рэд не знал. Хорошей причины быть не могло. Были только плохие причины, причины, которые учитывали фетишизм, классовые различия и прочую хрень, которую определенные люди считают унижающей человеческое достоинство, но Рэд не думал, что это все применимо к Хлое Браун. Не потому, что она была выше того, чтобы вожделеть мужчину, на которого смотрела сверху вниз, но потому, что не походила на женщину, которая в принципе была способна кого-то вожделеть. Вожделение шло рука об руку с уязвимостью. Хлоя же, несмотря на свою смазливую внешность, была примерно так же уязвима, как долбаная акула.

Так что, возможно, глаза его обманули. Может, она за ним и не подглядывала. Но он же прекрасно знает, что видел, не так ли? Густые темные волосы в нетугом пучке, небесно-яркий блеск синих очков, пышная фигура в розовой полосатой пижаме с пуговичками. Сама милая, как пуговичка, аккуратненькая, как пуговичка, всегда в одежде с пуговичками. Он прекрасно знал, кто живет в квартире напротив, и знал – *знал* – что прошлым вечером видел ее. Но почему?

– Рэд! – рявкнула мама. – Прекрати так громко шкрябать ножом. Ты действуешь мне на нервы.

Рэд рад был отвлечься, хоть и таким нелепым образом. Его утомили собственные назойливые мысли – тусклые, цвета хаки. Он повернулся лицом к матери, сидящей за столом, втиснутым в угол ее крохотной кухоньки прямо возле окна.

– Ты жалуешься на то, как я режу, женщина? Когда я тут готовлю тебе обед?

– Не дерзи, – заявила она, смерив его смертоносным взглядом.

Мать была полностью слепа на один глаз, но это обстоятельство не снижало убойную силу ее зрачков.

Рэд напустил на себя невинный вид. Мама важно фыркнула и повернулась обратно к окну, отодвигая тюлевые занавески. В своем закутке она правила железной рукой и большую часть времени проводила в ожидании подношений.

На этот раз подносительницей оказалась Шамика Израэль, работающая доктором в Королевском медицинском центре. Когда она пришла на обед в воскресенье со своей двоюродной бабкой, живущей по соседству, доктор Израэль стала «нашей Микой», или, как вариант, «Щербинкой». Она появилась у окна с горшочком карри из бычьих хвостов и сказала:

– Держите, госпожа Морган. Это вам бабуля приготовила, от простуды.

При звуке ее голоса материнская суровость смягчилась:

– Щербинка. До чего же ты хорошая девочка. Когда ты собираешься выйти за моего Рэдфорда?

– Скоро, госпожа Морган. Ведь так, Рэд?

Он подмигнул ей через окно:

– Уговор.

Шамика улыбнулась, демонстрируя щербинку между зубами, а потом поставила бычьи хвосты на подоконник и попрощалась. Как только ее «лексус» выехал с парковки, Рэд вырвал горшок из цепких материнских рук. Мама уже приподняла крышку, окунула палец в карри и облизнула его.

– Эй, – возмутился Рэд. – Аппетит перебьешь. Я готовлю тебе суп писту⁵.

– Что, во имя Господа, это такое?

⁵ На самом деле это легкий овощной провансальский суп с травами.

– Барсучьи яйца. На пару.

Мама фыркнула, всем своим угловатым лицом демонстрируя отвращение:

– Примерно так и звучит.

Миссис Конрад была не единственной королевой драмы в жизни Рэда. С учетом собственной мамы и Вика он практически тонул в драматичности.

Он уже собирался перечислить ей настоящие ингредиенты супа писту, но тут мама высунулась из окна, повысив голос до уровня громкости низко летящего самолета:

– Эй, Майк! Я тебя вижу, подонок! А ну иди сюда.

Майк, по сути, был маминым бойфрендом-бездельником. И так выглядел их флирт. Рэд переместился к плите и помешал суп, демонстративно игнорируя все то, что Майк орал в ответ. Этот тип разменял уже седьмой десяток, пил как лошадь и каждый день, как по часам, ходил в букмекерскую контору. Рэд его не одобрял.

Однако вряд ли мог как-то об этом высказаться. Не после того, как мать предупредила *его* насчет последней подружки, Пиппы, а он радостно пропустил все мимо ушей, – и чем все, блин, кончилось? До звания эксперта в отношениях Рэду было явно далеко. Но он не станет думать ни о Пиппе, ни о Лондоне, ни о своих бесчисленных ошибках, потому что все это только бесит, а Рэд ненавидел, когда его что-то бесило. Расслабленность и жизнерадостность ему куда больше по душе.

Он как раз возвращался в уравновешенное состояние, прибирая тарелки после обеда, когда мать с деликатностью бешеного носорога коснулась самого щекотливого предмета:

– Уже начал продавать какие-нибудь картины?

Ох, его любимая тема.

– Пока что нет, – спокойно ответил Рэд.

Немного чересчур спокойно, но мама, кажется, не заметила.

– Пора поторопиться, малыш. Ты уже много лет дурака валяешь.

Лет?

– Всего восемнадцать месяцев прошло.

– Не перечь матери.

Его безграничное терпение действительно недооценивают. Может, ему самому следует выдать себе награду? «Всеми притесняемому Рэдфорду Томасу Моргану, за его стойкость перед лицом бессмысленных вопросов об искусстве». Что-то в этом духе.

– Нельзя позволять той мерзкой маленькой богатейке рушить твою карьеру, – не унималась мама.

Слишком поздно. Рэд выдавил в раковину излишне щедрую дозу средства для мытья посуды.

– Нечего в молчанку со мной играть, Рэд. Отвечай. Чем ты занимаешься? Ты же *работаешь*, не так ли?

– Да, – вздохнул он, потому что, если маме не ответить, она будет зудеть, пока у него кровь из ушей не пойдет. – Рисую на фрилансе. Портфолио собираю. – *Опять.* – Только что закончил иллюстрацию тушью: мозг и бутылка портвейна.

Мама посмотрела на него так, будто у него только что отвалилась голова.

– Для журнала про стиль жизни, – объяснил Рэд. – Статья про эректильную дисфункцию.

Мать фыркнула и повернулась к нему всем телом, нацелив на отпрыска свой зрячий глаз. Тот подозрительно заблестел из-за янтарного стекла ее очков.

– Ты с детства рисуешь картинки для журналов. Чего ты ждешь? Начни уже опять продавать свои проклятушие картины. Ты же что-то написал, нет?

О да, написал. Он писал как всегда одержимо, и некоторые из картин были даже полуприличными. Но это было *не то*. Это было не то, и он был не тот, и все, что он знал, было не так, и после всех его неверных решений...

Что ж. У Рэда полно картин на продажу. Но пока что ему не хватало смелости показать их ни единой живой душе. Каждый раз, когда он раздумывал над этим, голос в голове – такой резкий, что им бы стекло резать, – напоминал: «Ты из кожи вон лезешь, Рэд, и это просто убого. Прими себя таким, какой ты есть, милый. До меня ты был никем – после меня никем и останешься».

Стальное произношение Хлои Браун не шло ни в какое сравнение с говором Пиппы Эймс-Бакстер.

И какого хрена он опять думает о Хлое?

– Ты что, вечно собираешься быть домовладельцем? – требовательно спросила мама.

Рэд резко помотал головой, как пес, вытряхивая из нее все непрошенные воспоминания.

– Это Вик домовладелец, мам. А я его комендант.

– Как по мне, тебе стоило бы брать пример с Викрама. Кто может остановить этого парня?

Никто. И ничто.

Это правда. Вик Ананд был не только лучшим другом Рэда, но и мелким владельцем недвижимости, взявшим друга на должность коменданта после... что ж. После Пиппы. Квалификации Рэду не доставало, но до сих пор он нигде не напортачил, да и сантехником оказался приличным. И электриком. А маляром вообще шикарным. И дьявольски трудолюбивым.

В административной работе не смыслил ни хрена, но очень старался.

А еще-е-е он никогда не жалел извинений.

– Ты права, – заявил Рэд, отскребая сотейник и щурясь от того, что волосы лезли в глаза: это было все равно что смотреть на мир сквозь высокую сухую траву на закате.

Пальцы у него покраснели от почти кипящей пузырящейся воды, тату «МАМА» на костяшках было до сих пор ярким – каждая буква ровнехонько над серебряным кольцом его деда. Эта татуировка была не самым гениальным его подростковым решением, но чувства остались неизменными: Рэд чертовски любил свою мать. Так что взглянул на нее и повторил:

– Ты совершенно права. Завтра же утром я как следует этим займусь. Начну планировать. Подумаю о новом сайте.

Она кивнула, повернулась обратно к окну и сменила тему. Начала сплетничать о безголовом племяннике миссис Поплин, который взял и обрюхатил девицу из магазина на углу, у которой переднего зуба нет, можешь себе представить?

Рэд время от времени вставлял «хммм» и раздумывал, как бы сделать так, чтобы Кристи Морган им гордилась. На прощание он чмокнул ее в обе щеки и пообещал заглянуть на неделе, если получится. Потом надел шлем и кожанку, вскочил на мотоцикл и понесся домой – в многоквартирный дом, его благословение и оправдание.

К разнервнувшейся там сцене жизнь его не готовила.

Глава третья

Прогулки укрепляют сердце, значительно снижают риск рака груди и считаются относительно нетравматичным видом спорта. Однако несмотря на последний факт и на новые кроссовки от «Нью Бэланс», купленные Хлоей специально для этого, колени ее просто убивали.

– Ты, – пробормотала она тротуару под ногами, – просто конченный подлец.

Тротуар безмолвствовал, что, по мнению Хлои, было весьма гадко с его стороны. Если уж ему хватало наглости сотрясать ее кости с каждым шагом, то мог бы и ответить за свою бессовестную твердость.

Но опять же, *возможно*, в своем текущем затруднительном положении Хлоя была виновата сама. Утром она не стала принимать болеутоляющее, потому что чувствовала себя довольно бодро, – так что, вероятно, не стоило последние двадцать семь минут шататься по улице, вдыхая свежий осенний воздух и требуя от своего тела чуть больше, чем обычно. Но задним-то умом мы все крепки.

Она чувствовала, как знакомые щупальца боли впиваются в ее слабые точки, видела мутную серость утомления, которая сгушалась на окраинах сознания. Но она уже почти пришла. Хлоя пересекла маленький парк напротив дома – *Трава! Слава богу!* – и планировала наградить себя какими-нибудь приятными медикаментами, пушистой пижамой и несколькими печеньками с кусочками темного шоколада. Темного, ясное дело, потому что он чрезвычайно полезен. Антиоксиданты практически полностью нейтрализуют сахар.

Ох! На дереве сидел кот.

Хлоя резко остановилась, мысли спутались. Кот. На дереве. Она что, оказалась на страницах детской книжки? Справа от нее рос дуб, возвышавшийся над всей прочей беспорядочно насаженной здесь зелению, и на самых верхних, тонких ветвях этого дуба сидел кот. Зрелище было одновременно знакомое и совершенно обескураживающее. Потому что, хоть Хлоя и слышала, причем неоднократно, о застрявших на деревьях кошках, она никогда не сталкивалась с этим явлением лично.

Сложив руки на груди, она прищурилась, задрал голову к слишком яркому и слишком бледному небу, и стала слушать жалобные «мяу-оу» этого существа.

Через некоторое время крикнула:

– Судя по голосу, ты там застрял.

Кот утвердительно взвыл, как потерпевший. Он был маленький, но восхитительно толстенький, с такой серой шерстью, что она казалась почти черной, и с пронзительным взглядом, в котором читалось: «Ты же не бросишь меня здесь?»

Хлоя вздохнула:

– Ты уверен, что не можешь спуститься? Не хочу показаться грубой, но ты же знаешь, как это бывает. Какая-нибудь доверчивая жалостливая душа карабкается на дерево за кошкой, только чтобы вышеупомянутая кошка в последний миг коварно спрыгнула на землю...

Новый вой, на этот раз откровенно негодующий.

– Аргумент, – согласилась Хлоя. – То, что со стороны у тебя все хорошо, еще не означает, что тебе не требуется помощь. Мне ли об этом не знать. Я вызову тебе пожарную бригаду.

Кот помяукал еще немного и воззрился на нее сверху вниз – скептическая серая клякса на фоне неба. Теперь Хлоя была вполне уверена, что кот говорил нечто вроде: «Пожарную бригаду, корова ты расточительная? Ты что, не понимаешь, что мы должны экономить ресурсы? Хочешь лишить помощи детей, заперевших себя в ваннах, и старушек, забывших выключить утюг? Постыдилась бы».

Этот кот, как и большинство представителей его вида, казался весьма склонным к осуждению. Хлоя ничего не имела против: она одобряла прямоту четырехлапых компаньонов. К

тому же... кот был не так уж и неправ. Зачем беспокоить пожарных, когда у нее самой наличествует относительно функционирующее тело? Возможно, карабкање по дереву за котом – не самое умное завершение прогулки, но, с другой стороны, благоразумная, трезвомыслящая Хлоя Браун мертва. *Новая* Хлоя была женщиной веселой и дерзкой – такой, которая в кризисные моменты не станет дожидаться помощи квалифицированных специалистов.

Эта мысль буквально пощипывала ее, как арфист – струны инструмента. Хлою затрясло от желанья реализовать свое опрометчивое намерение. Она одолеет это дерево.

Для начала следовало найти приличную опору для рук и ног: это Хлоя знала по многолетним наблюдениям за карабкавшейся в детстве по этим штуковинам Дани. Дуб оказался одновременно мягким и твердым, влажная кора крошилась под пальцами, а сам ствол оставался неподвижным. Ей понравился этот контраст, хоть он и царапал ладони и грозил зацепиться за легинсы. Водонепроницаемая куртка издала неприятное скользкое шуршание, когда Хлоя протянула руку вверх, к нижней ветке. Потом ее пальцы сомкнулись вокруг крепкого сука, и она подтянулась на нем, ногами отталкиваясь от дерева и чувствуя абсолютную свободу.

Ее мышцы устали, а суставы по-прежнему болели: но штука была в том, что теперь ей было пофиг. В голове зудел мерзкий голосок, предупреждавший, что она за это поплатится, что тело потребует возмездия. Хлоя уже некоторое время практиковалась, веля этому голосу заткнуться грязным носком, – так она поступила и сейчас. Чем выше она взбиралась, тем громче становились кошачьи завывания, и Хлоя решила расценивать их как энергичное подбадривание.

– Молодец, человек! – мяукал кот. – Ты нереально крута! Ты точно должна добавить это дело в свой список, чтобы тут же вычеркнуть и почувствовать, что даже перевыполняешь план!

Хлоя обдумала щедрое кошачье предложение, но тут же отбросила его. Ее список был историческим документом, который она не смела изменять.

– Но все равно спасибо, – пропыхтела она, а потом забеспокоилась из-за того, что пыхтит.

Легкие работали на износ, а каждый вдох ощущался так, будто кто-то распиливал ей грудную клетку. На корне языка появился металлический привкус, неприятно напомнивший кровь, а еще – те времена, когда ей приходилось наматывать круги на физкультуре. Очевидно, подъем вытягивал из нее силы, – но она же много лет совершала нерегулярные прогулки, будь они неладны. Ясно же, что к этому времени она уже должна была стать полупрофессиональной атлеткой? Судя по всему, не стала. Человеческое тело – неудобная и нелогичная штука.

Однако Хлоя продолжила карабкаться и даже выработала определенную систему. Она втаскивала себя на ветку покрепче, ерзала по ней попой – изящества мало, но ничего не поде-лаешь, – тянулась к следующей ветке, втаскивала себя... и так далее. Это прекрасно работало и заняло целую вечность, вероятно, из-за частых передышек. А потом Хлоя неожиданно очу-тилась так высоко, что ветки стали совсем тонкими.

О, боже!

Хлоя не отличалась миниатюрностью. Ростом она была выше среднего, с тяжелыми костями и отъевшаяся – к зиме. Как кролик. Только эта откормленность длилась круглый год. Она не так часто размышляла о своих габаритах, но, потянувшись к одной особенно тонкой ветке, внезапно не смогла думать ни о чем другом. Хлоя смерила ветку подозрительным взглядом. Выдержит ли она примерно девяносто пять кило женщины? Что-то сомнительно.

– Кот, – сказала или, скорее, просипела она. – Возможно, тебе стоит чуточку спуститься. Не исключено, что даже прыгнуть мне в руки. – Она разжала мертвую хватку на ветке, внутренне напряглась, чтобы не потерять равновесие, и ободряюще подняла руки: – Ну-ка, давай. Прыжок веры и все такое.

Кота это явно не впечатлило.

– Я тебя не уроню, – увещевала Хлоя. – Обещаю. Я шикарный ловец. Я играла в команде графства по нетболу, да будет тебе известно.

Кот одарил ее тяжелым взглядом.

Хлоя вздохнула:

– Да, дело было лет десять назад. Но, вообще-то, с твоей стороны некрасиво заострять на этом внимание.

Возможно, кот оценил ее честность, потому что деликатно вытянул вперед одну лапку, будто обдумывая план спуска.

– Так держать, милый. Давай – прыг!

С пугающим проворством кот действительно начал спускаться. Учитывая все обстоятельства, Хлоя была удивлена, что он не соскочил с дерева вообще, оставив ее в одиночестве. Судя по неожиданно плавным движениям, это было ему вполне по силам. И все же, вместо того чтобы сбежать, кот перепрыгивал с ветки на ветку, пока не оказался у Хлои на коленях, в точности как она и просила.

Она уставилась на комок дымчатой шерсти, в данный момент тычущийся мордочкой ей в живот. Преодолев миг удивления, Хлоя выдавила:

– Ты же на самом деле не понимаешь мою речь, правда? Хотя, если понимаешь – не волнуйся. Я унесу твой секрет в могилу.

Где-то внизу воскресную тишину разрезал грубый голос:

– И я тоже.

У Хлои подпрыгнуло сердце, и она чуть не рухнула с дерева.

Мгновение спустя она вцепилась в ближайшую ветку и, прищурившись, уставилась вниз в поисках говорящего. Оказалось, что с земли на нее, сунув руки в карманы и изогнув губы в, по всей видимости, усмешке, шурится в ответ Рэдфорд Морган.

О нет. О нет-нет-нет-нет-нет!

На Хлою снизошло неприятное осознание, что ее кожу покрывает противный холодный пот, из пучка на голове выбились кудрявые пряди, а еще... ну да, а еще она сидит на дереве и несет какую-то чушь коту. Нелепо. Совершенно нелепо. Неловкость просочилась сквозь самые укрепленные ее рубежи и залила щеки непрошеным жаром. Хлоя искала, что бы такого ответить дерзкого сообразно ситуации, и обнаружила, что все умные мысли ее покинули.

Словно послание небес, в ее голове зазвучал голос Джиджи: «Сохраняй спокойствие, Хлоя, дорогая. И, что бы ты ни делала, не смей падать».

Воображаемая Джиджи давала разумный совет.

– Здравствуй, мистер Морган, – прохрипела Хлоя и тут же одернула себя.

«Мистер Морган»? Это регресс. И «Рэдфорд»-то было плохо. Такими темпами она начнет звать его Рэдом только году этак к две тысячи пятьдесят шестому.

Его странная ухмылочка превратилась в полноразмерную ухмылку, и Хлоя поняла, что он вовсе и не ухмыляется. Нет – он сдерживает смех: веселье плясало вокруг него в воздухе, словно электрические разряды. Его огромное тело практически вибрировало. Хлоя подумала, не предложить ли ему не стесняться, – пусть поржет над ней, раз уж она представляет собой такое уморительное зрелище. Но не успела она подобрать слова, как он снова заговорил:

– Вы застряли, мисс Браун?

От нее не ускользнуло, как подчеркнул Рэд ее имя, – с тем же сарказмом, который излучала его приподнятая бровь. Силы небесные, лучше бы ему прекратить так делать. Уже просто смотреть на него было опасно: если он начнет к тому же проявлять *эмоции*, ее мозг просто закоротит. Таким полным жизни человеческим существам нужно запретить разгуливать по улицам без присмотра. Кто-то – Хлоя, например, – может умереть от восхищенной зависти и самокопаний.

– Нет, – с огромным достоинством ответила она. – Я не застряла.

Это была не совсем ложь, потому что Хлоя еще не пыталась спуститься.

– Вы уверены? – поинтересовался Рэд. – Потому что я не против протянуть вам руку.

Хлоя фыркнула. Как, интересно, его рука поможет ей спуститься с дерева?

– Вы что, под веществами, мистер Морган?

Его взгляд из веселого сделался сердитым. Это выражение не шло ни кошачьим глазам, ни приподнятым уголкам губ, что только усиливало эффект.

– Нет, – кратко бросил он.

Потом громко цокнул языком и покачал головой, будто Хлоя его утомляла. Вообще-то, она действительно его утомляла: он весьма ясно давал это понять.

По какой-то причине, вместо того чтобы проигнорировать его и продемонстрировать, насколько ей наплевать, Хлоя вдруг выпалила:

– Я это не в плохом смысле. – Что, вообще-то, было правдой. Она пошутила, только вот шутки ей никогда не удавались. Как-то не так она их подает. – Воскресенье ведь все-таки. Ни работы, ни обязанностей. Совершенно приемлемый день, чтобы принять вещества развлечения ради.

Рэд моргнул, глядя на нее, хмурость в его взгляде сменилась изумлением.

– Так, значит, вы принимаете вещества по воскресеньям? – наконец спросил он.

– Я принимаю вещества каждый день, – ответила Хлоя. Потом вспомнила, что он все-таки комендант ее дома, и добавила: – Легальные вещества. Совершенно законные. По врачебному рецепту.

Его брови взлетели вверх. Они были одного янтарно-медного оттенка с волосами, так что здорово выделялись на фоне бледной кожи.

– Неужели?

Так, пора менять тему. Иначе он начнет задавать вопросы, а она из вежливости отвечать, и они будут торчать тут, обсуждая ее анамнез, как будто самый обыкновенный предмет для беседы вроде погоды.

– Знаете, – сказала Хлоя, впиваясь ледяными пальцами в шерсть своего нового проблемного друга из семейства кошачьих, – думаю, я все-таки застряла.

Рэд сложил руки на груди. Учитывая его рост, ширину плеч и потрепанную черную кожаную куртку, суммарный эффект это произвело слегка устрашающий.

– Вы же, кажется, утверждали, что не застряли?

– Не донимайте меня, – фыркнула она и немедленно пожалела об этом.

Проблема была в том, что если Хлою что-то и донимало, так это боль, которая здорово действовала ей на нервы. Суставы онемели и ныли, поясница вопила, а во время подобных физиологических катастроф самой первой переставала функционировать ее вежливость.

Но Рэд в кои-то веки не стал огрызаться в ответ. Вместо этого он сузил глаза и медленно спросил:

– Вы в порядке?

Хлоя задеревенела:

– Да.

– У вас что-нибудь болит?

Да, постоянно.

– Вы собираетесь мне помочь или нет? – потребовала ответа она.

Рэд закатил глаза:

– А вы знаете, как очаровать парня.

Однако руки выпрямил и сбросил куртку, явно готовясь действовать. Куртка приземлилась у его ног, как что-то дохлое, – впрочем, Хлоя полагала, что технически так и было. Если только кожа не была искусственной.

– Она настоящая? – спросила Хлоя, кивая на куртку.

Рэд снова приподнял одну бровь – вот выпендрожник – и в одних футболке и джинсах подошел к дереву:

– Вас это сейчас волнует?

– Я тот человек, который лазает по деревьям, спасая кошек. Очевидно, меня глубоко беспокоит защита прав животных.

– Вы вегетарианка?

Что ж. Тут он ее подловил.

– Пока нет.

– Пока нет?

– Я над этим работаю.

Дома этичное потребление давалось ей куда легче: там у них имелся повар.

Рэд ухмыльнулся ей снизу вверх, схватился за ветку и начал лезть.

– Понятно. Вы едите исключительно телятину и только по воскресеньям, в этом духе?

– Само собой, – язвительно отозвалась Хлоя. – И это ничуть не хуже, чем принимать по воскресеньям вещества.

– Хлоя. Я не принимаю вещества по воскресеньям.

Ну вот: он назвал ее по имени. Сейчас идеальный момент последовать примеру и назвать по имени его. По тому имени, которым его звали все, а не Рэдфордом или мистером Морганом.

Но Хлое было так не по себе, что она никак не могла придумать, что сказать, и в конце концов, после неловкой паузы, она...

Что ж. Она просто выпалила:

– Рэд.

И все.

Он взобрался на следующую ветку – это вышло у него гораздо быстрее и грациознее, чем у нее, ну что за человек – и склонил голову:

– Да?

О, господи!

– Эм... вы знаете этого кота?

Рэд продолжил восхождение. Хлоя попыталась не пялиться на его ладони, и предплечья, и то, как напрягались под футболкой бицепсы, когда он подтягивался.

– Откуда бы, – поинтересовался он, – мне знать этого кота?

– Не знаю. Вы же занимаете авторитетную должность в местном сообществе.

Рэд смерил ее подозрительным взглядом:

– Я меняю старушкам лампочки и рассылаю напоминания об оплате.

– По мне, это очень авторитетно.

В этот момент кот, который все это время тихонько мурлыкал, решил опять подать голос. Хлоя почесала его между ушей, оценив его громогласную поддержку.

– Как скажете, – пробормотал Рэд – а потом оказался прямо под ней.

С каждым новым случаем близость к нему все сильнее лишала Хлою присутствия духа. Что, возможно, имело некоторое отношение к громадному чувству вины, не покидавшему ее с тех пор, как она несколько раз за ним подглядывала.

По крайней мере теперь она знала наверняка, что прошлой ночью он ее не заметил. Потому что если бы заметил, то бросил бы на этом дереве умирать.

– Так что, она настоящая? – спросила Хлоя, в основном чтобы отвлечься от собственных мыслей.

– Кто настоящий? – отозвался Рэд чуть более чем слегка раздраженно.

Голос у него был грубый, но интонации – странно музыкальные: слитное чередование пропущенных согласных и укороченных гласных. Говорил он так же энергично, как выглядел.

– Кожа.

– Нет, Хлоя. Не волнуйтесь. Я не разгуливаю по улице в дохлой корове. – Он протянул к ней руку и спросил: – Можете взять меня за руку?

Может ли она? Вероятно. Стуит ли? Спорно. Может, от его прикосновения у нее сердце остановится, как от удара током. С другой стороны, она едва ли в том положении, чтобы отказываться.

– Сейчас, только кота придержу, – пробормотала Хлоя.

– На хер кота. Он из вас веревки вьет.

Она оскорбленно ахнула – со льдом в голосе:

– Как вы *смеете*? Этот кот – ангел. Только взгляните на него. Взгляните!

Рэд взглянул. Глаза у него были бледно-зеленые, как весенние груши. Он внимательно оглядел кота, прежде чем с абсолютной уверенностью подытожить:

– Эта тварь могла бы спуститься когда пожелает. Он вас дурит.

– Вы бессердечный человек.

– Я? – выпалил Рэд в таком шоке, будто Хлоя заявила, что он – королева Виктория. –

Это я бессердечный?

Хлоя обиженно отпрянула:

– Вы что, намекаете, что из нас двоих бессердечная – я?

– Ну, вообще-то...

– Только не вспоминайте тот случай с почтой.

– Вообще-то, я собирался вспомнить тот случай, когда вы довели Фрэнка Леонарда из 4J до слез.

Хлоя фыркнула:

– Я *не* доводила его до слез. Он уже был готов разрыдаться, когда начался тот разговор. На деле это было просто недоразумение.

Рэд скептически хмыкнул.

– Честно говоря, не вижу необходимости ворошить прошлое, притом что я сижу на дереве, самоотверженно спасая кота.

– Если вам так хочется посоревноваться, – парировал он, – то я сижу на дереве, спасая кота и женщину.

– Вы совершенно определенно меня не спасаете, большое спасибо.

– Правда? Так, значит, мне слезть?

– Прекрасно! Давайте устройте тут сцену, если уж так хочется.

– Устроить?.. – Он будто не верил своим ушам. – Так, я здесь не для этого.

Хлоя моргнула, глядя на него сверху вниз:

– Не для чего?

– Не для того, чтобы с вами спорить. Я не спорю с людьми.

– Звучит уныло, – пробурчала она.

– Вы... просто... поторопитесь, пока я не вышел из себя, ладно?

– А вы разве еще не вышли?

– Клянусь Богом, Хлоя, у вас три секунды.

Рэд многозначительно помахал протянутой рукой. Под ногтем его большого пальца виднелось пятнышко красной туши.

Хлоя вздохнула, а потом взяла кота на руки, проверяя, допустит ли он подобную фамильярность. Кот не возражал. Обнадеженная, она немного расстегнула куртку, сунула кота за пазуху и снова застегнула куртку. Пушистая кошачья голова торчала возле ее горла, теплое тельце прижималось к груди. Это было настолько великолепное ощущение, что на миг Хлоя почти забыла о вгрызающейся в ее члены боли.

Этот кот ей очень даже нравился.

Помедлив, сколько было прилично, Хлоя взяла себя в руки и потянулась к ожидающей ее ладони. Это был третий раз, когда она касалась Рэдфорда Моргана. Она помнила это, потому что от первого раза – их первого рукопожатия – по ее правой руке поползли тысячи колючих

мурашек. Мурашек, превратившихся в странным образом приятное ощущение – как от мио-релаксанта, – которое она не одобрила. Второй раз – когда они врезались друг в друга, был несколько дней назад, и он только укрепил ее намерение избегать любого физического контакта с этим человеком.

И все же вот она здесь – держит его мозолистую ладонь своей, и на этот раз это вопрос не вежливости, но – как Хлоя с неохотой призналась сама себе – *спасения*. Мурашки были тут как тут. Рэд вроде бы не выпускал их бегать по ней специально, так что Хлоя, разнообразия ради, решила не точить на него зуб за это ощущение на коже. Иногда, когда она видела, как он разгуливает по коридорам или по двору, одаривая душераздирающими улыбками всех, кроме нее, ей хотелось не точить на него зуб вообще ни за что.

Обычно такое случалось после того, как Хлоя принимала самое сильное болеутоляющее, а следовательно, была в хлам обдолбана.

– Можно мне его оставить? – спросила она, в основном, чтобы отвлечься.

– Что оставить? – нахмурился Рэд, помогая ей спуститься.

Он сжимал ее ладонь, словно тискал, второй рукой придерживая ее за локоть. И принимал на себя почти весь ее вес, спуская на ветку пониже.

– Кота, – ответила Хлоя, сосредоточившись на том, чтобы не упасть и не расшибиться трагично насмерть.

– Почему вы меня спрашиваете? Ногу вот сюда, смотрите.

Она поставила ногу куда было велено. Теперь они были на метр ближе к земле. Рэд опустился еще немного, потом опять протянул руки к ней.

– Я спрашиваю вас, – ответила Хлоя, пока он манипулировал ее телом, как крайне неповоротливой куклой, – потому что вы комендант, а животных держать запрещено.

– А, точно. Значит, оставить его вам нельзя, логично? Теперь левую, – добавил он. – Я сказал *левую*. Хлоя, вы знаете, где у вас право, а где лево?

– Не шумите, – проворчала она, ставя левую ногу в нужное место. – Вы что, не можете нарушить правила по уважительной причине?

– А уважительная причина – это... тот факт, что вы суперособенная принцесса?

– Именно. Я знала, что вы поймете.

– Откуда вам знать, что этот кот ничейный?

– Ошейника нет.

– И все-таки... Господи боже, женщина, что ты делаешь? На эту ветку. На *эту*.

– Не груби, – буркнула она.

– Ты что, шею сломать хочешь?

– Сколько пафоса! Максимум сломаю руку. Конечно, мне приходило в голову, что я могла бы сломать шею в случае неудачного падения – с любой высоты. Особенно учитывая, что, поскольку я держу кота, я, скорее всего, попыталась бы извернуться так, чтобы не раздавить бедняжку. – Она сделала паузу, задумавшись. – Но это самый худший вариант развития событий. Я уверена, нам незачем об этом тревожиться.

Рэд прервал свой равномерный спуск и воззрился на нее. А потом ни с того ни с сего разразился смехом. Это был отрывистый, яркий звук, сопровождаемый поразительной улыбкой, и он до неприличия понравился Хлое. Она решила не обращать на него внимания и сконцентрироваться на нижних ветках. Но стоило ей чуточку активнее повернуть шею, как ее тело отозвалось острой болью в лопатке.

Рэд – ну что за наказание! – немедленно заметил, как она слегка поморщилась, и резко оборвал смех, пристально взглянув в ее лицо. Хлоя уже видела подобный взгляд: тогда он смотрел на одну из своих картин – незадолго до того, как сорвать ее с мольберта и швырнуть в стену.

Он сказал:

– С тобой что-то не так.

Хлоя вздрогнула. Грудная клетка раскололась напополам:

– В каком это смысле?

– Ты уверена, что не поранилась? Тебе как будто больно.

Ох! Ну конечно. Она помотала головой, избегая его взгляда, напряжение понемногу покинуло ее:

– Ничего страшного.

После недолгой паузы Рэд продолжил спускаться.

– Знаешь, – непринужденно сказал он, – думаю, мы примерно одного возраста. Я тоже любил «Зену – королеву воинов» и капитана Джейнвэй.

– Как мило!

– И если я спасаю тебя...

– Это не так.

– ...как настоящий рыцарь на белом коне, это еще не значит, что я думаю, будто ты... ну знаешь. Типа девица в беде.

Хлоя фыркнула сквозь ноздри – скорее по-драконьи, чем по-девичьи:

– К чему это ты?

– К тому, что, если ты поранилась, я не собираюсь вести себя как придурок.

– О? – отозвалась она сквозь стиснутые зубы.

– Ага. В том смысле, что не буду *настаивать*, чтобы ты зашла ко мне и я тебя осмотрел.

– Хорошо.

– Но я *предложу* проводить тебя домой, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. И сделать тебе чаю. Чтобы ты согрелась. – И не успела она это осмыслить, как Рэд добавил: – Ну вот и все, – и спрыгнул вниз.

Когда его ботинки ударились о землю, Хлоя поняла, что у них получилось. Они спустились. Ну почти. Она неловко торчала на последней ветке.

Хлоя задумалась, сколько боли причинит приземление ее и без того вопящим костям.

Рэд улыбнулся ей снизу. Это была одна из тех обаятельных и совершенно-естественно-привлекательных улыбок, которыми сверкали сердцееды в романтических комедиях, и Хлоя ни на грамм ей не доверяла.

– Хочешь, я тебя поймаю?

– Я скорее умру.

Он пожал плечами, сунул руки в карманы и замычал себе под нос «Devil Woman».

Хлоя прижала кота к груди и спрыгнула. Так уж совпало, что приземление по ощущениям немного напоминало смерть. Тело превратилось в один огромный синяк. Она проглотила тысячу ругательств, подавила приступ тошноты и почувствовала себя самой бестолковой женщиной на планете. Почему, во имя всего святого, ей надо было поступать так с собой? Кот лизнул ее в горло, и его напоминающий наждачку язык растопил ее зачерствевшее сердце. *Ах да.* Она поступила так, потому что она – жалкая нюня.

Рэд даже не пытался скрыть беспокойство:

– С тобой все хорошо?

В кои-то веки Хлоя стала предметом добросердечного любопытства местного очаровашки. Было бы даже приятно – если бы только ей на самом деле хотелось привлечь его внимание.

С огромным усилием она выпрямилась и попыталась улыбнуться. Вышло больше похоже на гримасу. От этого зрелища Рэд поморщился, будто ужаснувшись. Хлоя бросила попытки:

– Я в норме. Всего доброго.

Выдавлив эту на сто процентов убедительную и профессионально исполненную ложь, она удалилась. Вышло медленно и размеренно, без особого изящества, зато с огромной болью и

еще более огромной целеустремленностью. Когда тебя спасают с дерева – это здорово и замечательно, но в спасении себя от себя же самой Хлоя не нуждалась.

Глава четвертая

Рэд позволил Хлое укувылять в квартиру вместе с заткнутым за пазуху котом. Потом он нашел мотоцикл, который бросил вскоре после того, как заметил ее, припарковал его и приготовился провести захватывающий вечер, в ходе которого будет заниматься исключительно своими делами. Егохватило минут на пять – а потом он схватил связку мастер-ключей, заявился к Хлое под дверь и постучал.

Если она не откроет, он сочтет, что она упала в обморок или с ней случилась еще какая-нибудь хрень, и войдет.

Он пришел проведать ее только потому, что она тут живет. Проверить, не случилось ли с ней чего, – его работа. Тот факт, что она полезла на дерево спасать какого-то кота и дискутировала с ним, как придурковатая задавака из высшего общества, не значил абсолютно ничего. Она была бессовестной снобкой, а прошлым вечером, вероятно, шпионила за ним. Рэду было плевать и на ее саркастичное чувство юмора, и на миленькие кардиганчики, и на охренительно красивую мордашку. Но на уровне простой человечности ему очень хотелось, чтобы она открыла.

Он постучался еще раз, провел пятерней по волосам и начал беспокоиться. Уходя, Хлоя плотно стискивала губы, а ее кожа посерела и была покрыта испариной. Тон у нее был торопливый, напряженный и даже более резкий, чем обычно. Двигалась она одеревенело и горбилась – явно не только от холода. Было очевидно, что она получила какую-то травму древолаза и не хотела этого признавать, но Рэд не погнушается тем, чтобы выбить у нее это признание. В конце концов, опыт у него имелся – с матерью.

Он уже полез за ключами, когда дверь наконец приоткрылась. На него с подозрением взирал большой темный глаз.

Рэд приподнял бровь:

– Где твои очки?

– Ты весьма любопытный человек, – отозвалась Хлоя. – Чего тебе надо?

– Ходят слухи, что у вас там кошка.

Она посмотрела ему прямо в глаза и произнесла:

– Мистер Морган. Как вы могли обо мне такое подумать?

Его губы невольно расплзлись в улыбке:

– Полагаю, мне стоит проверить помещение, если у вас нет возражений.

– У меня уйма возражений.

– И все же.

Со вздохом мощностью с небольшой торнадо она впустила его внутрь.

Хлоя была одной из тех женщин, которые всегда выглядят аккуратно. Даже на дереве она была одета в подобранный по цветам костюм для прогулок, который иначе как *подобающим* и не назовешь. Так что при виде ее жилища Рэд застыл как вкопанный.

Она явно ничего не заметила – была слишком занята, огибая пустые бутылки из-под воды, выстроившиеся вдоль стен, как кегли, и бесчисленные коробки «Амазон-Прайм». Следуя за ней, Рэд пробрался через этот хаос в столь же захлавленную гостиную, шикарная мебель в которой была завалена подушками, книгами, пустыми кружками и коробками видеоигр для PS4.

О, и еще тут был кот.

Он лежал, растянувшись на стеклянном журнальном столике, в окружении упаковок таблеток всех цветов радуги. Хлоя собрала таблетки, игнорируя кота, и поинтересовалась:

– Доволен?

Он уставился на нее:

– Вот же он, кот.

– Понятия не имею, о чем ты. – Хлоя помедлила, а потом неглубоко и нервно вдохнула. Рэду показалось, что сейчас она признается в убийстве. Вместо этого Хлоя сказала: – Я уж и не надеялась дожидаться чаю. Мне лавандовый, пожалуйста.

Рэд продолжил глядеть на нее во все глаза. Она что, только что?.. Она серьезно решила, что он станет?.. Охренеть. Ну и наглая же женщина.

– Привыкла к слугам, что ли?

– О да, – подтвердила она.

У Рэда ушло целых три секунды и одна подавленная хмурая гримаса, чтобы осознать: она шутит. Хлоя Браун только что отпустила очередную шуточку в своем невозмутимом самоироничном стиле – ей серьезно пора прекращать так делать, потому что это начинает ему нравиться.

Она повернулась, выходя из гостиной, пока Рэд ставил под сомнение свою способность трезво оценивать реальность.

– Если услышишь какой-нибудь зловещий грохот, – сказала Хлоя, – постучи. Если я не отвечу – можешь спешить мне на помощь.

– ...Постучать?.. – непонимающе переспросил он.

– В дверь ванной, – пояснила она так, словно Рэд отличался непроходимой тупостью. – Я решила воспользоваться твоим присутствием как страховкой.

– Стра?.. – Слишком поздно. Она исчезла с горой таблеток в руке. – Ну ладно, – сказал Рэд пустой гостиной.

Кот мяукнул.

– А ну-ка помолчи. Если она травмировалась, виноват в этом ты.

Кот бессовестно отказывался раскаиваться.

Рэд отправился заварить чай.

Кухня содержалась в относительном порядке и была умеренно чистой. А кроме того, тут имелось несколько добавлений к стандартному набору: прежде всего посудомойка, сверкающая и мощная, разрешения на которую Рэд *не* давал. Еще здесь был мягкий стульчик вроде тех, которыми оснащают шикарные бары, почему-то стоящий у плиты. Странно. Чаев у Хлои оказалось бесчисленное множество, с разными вкусами, плюс немного в пакетиках – хвала небесам – там, где и положено храниться чаю. Молока в холодильнике не нашлось, зато обнаружилась целая стена пакетов с соком и тонна составленных друг на друга пластиковых контейнеров. Контейнеры были заполнены салатами, курицей, тунцом, нарезанным сыром и так далее. Как для шведского стола.

Кто-то о ней заботился. Либо она делала это все сама, потому что была подлинной занудой. Рэд выглянул в гостиную, по которой словно ураган пронесся, и решил, что первый вариант кажется более правдоподобным. Но с чего бы кому-то заботиться о Хлое Браун? Может, она испорченная и разбалованная. Может, иногда ей требуется помощь. А может, это не его собачье дело и ему пора уже заняться гребаным чаем.

Рэд залил заварку кипятком, полез за вознаграждением в жестянку с печеньем, угостился, судя по всему, домашней имбирной печенькой и сцапал еще парочку. В гостиной среди всякого барахла он заметил пустые упаковки из-под дорогих шоколадок. Если бы он решил принести Хлое Браун еду, чего, конечно, никогда не произойдет, то остановился бы на чем-то сладком. У нее, видимо, имелось к нему пристрастие.

А у него, видимо, совсем поехала крыша.

Он расчистил на столе место для чая, устроив чашки посреди всякого хлама и котов, и устроился на диване рядом с контроллером от «Плейстейшен» и россыпью сияющих визиток. Кота чай не особо заинтересовал, но Рэд все равно приглядывал за ним вполглаза, рассматривая визитки.

Шикарный Дизайн Онлайн Веб-дизайн, поисковая оптимизация, брендинг и многое другое

На обороте – контактные данные Хлои.

Ха. Ну надо же. Ему нужен веб-сайт, а она, как выясняется, их делает. Хотя не сказать чтобы Рэд был готов нанять ее. В идеале он предпочел бы веб-дизайнера, которого ему не хочется придушить.

– Какие мы любопытные, – сказала Хлоя.

Рэд поднял взгляд и обнаружил, что она стоит, прислонившись к дверному косяку – но не небрежно-очаровательно, а так, будто не может держаться прямо. Он вскочил на ноги:

– Ты в порядке?

– В полном. А ты что, ешь мое печенье?

Он сунул в рот последнее и пробубнил:

– Не-а.

– Я же видела.

– А я видел кота.

– Аргумент принят.

Хлоя направилась к нему – так медленно, что смотреть было больно. Она выглядела как человек, которому здорово досталось. Рэд подозревал, что, не помоги он ей слезть с того дерева, она наверняка свалилась бы. Теперь она, по крайней мере, надела очки, а также гигантский розовый халат и пару столь же гигантских тапочек с заячьими ушками. Тапочки удивили его – пока он не вспомнил, что Хлоя прячет внутреннюю злюку за внешней лапочкой. Примерно как профессор Амбридж из «Гарри Поттера».

Вот только он не мог представить профессора Амбридж спасающей кота с дерева. Прогрехали. Он подумает об этом позже.

Глаза у Хлои блестели чуточку ярче, чем положено, а взгляд был какой-то расфокусированный. Волосы она распустила, и они обрамляли ее лицо пушистыми волнами, напомнившими Рэду грозовые тучи. Она смущенно пригладила их ладонями, которые... тряслись? Да твою ж мать! Рэд едва подавил порыв взять ее на руки и отнести в кровать. Не хотел, чтобы она неправильно все поняла. А еще не хотел разбираться с ее проблемами, хоть и прекрасно знал, что стал бы разбираться с проблемами белой акулы, подвернись ему такая возможность. Он всем помогал. Всегда. Просто никак не мог удержаться.

– Тебе не следует вламываться в чужие дома, – заметила она, – если ты не в силах смотреть даже на небольшую степень раздетости.

Рэд уселся на диван, осознав, что пялился. Его испытующий взгляд явно смутил Хлою.

– Прости. Я в норме. Я бесстрашный путешественник по чужим квартирам. Не беспокойся обо мне.

– Я и не беспокоилась. – Она рухнула на громадный диван, как мешок с картошкой, окутав Рэда облаком мягкого цветочного аромата. – Передай мне чай, будь так любезен.

Он протянул ей чашку. Хлоя взяла ее обеими руками, как ребенок, и с явным облегчением сделала глоток. Рэд наблюдал за ней так внимательно, как только мог, – то есть охренеть как внимательно. И много чего заметил. Например, едва заметную галочку между ее бровей, будто она не могла удержаться от того, чтобы не скривиться. Влагу, блестящую на ее горле и ключицах, – может, осталась после душа, если она плохо вытерлась. Изгиб ее голых лодыжек, торчащих из-под полы халата. Последнее никак не относилось к его подозрениям, так что он не знал, почему его взгляд так зацепился за эту деталь. Неважно.

Наконец он спросил:

– Ты признаешь наконец, что травмировалась?

– Я не травмировалась, – ответила Хлоя. – Мне больно.

Голос у нее был опасно жизнерадостный, словно сияющий на солнце нож. Как будто от того, чтобы проткнуть Рэда насквозь, ее отделяли всего десять секунд и один раздражающий вопрос.

Он придал голосу самое терпеливое, неосуждающее звучание:

– И разница в том, что?..

– Мне всегда больно, мистер Морган. Особенно когда я делаю всякие глупые вещи вроде лазанья по деревьям за неблагодарными котами.

– Рэд, – рассеянно поправил он: пазл в его голове наконец сложился: – Хронический болевой синдром?

Она перевела на него явно удивленный взгляд.

– Что? Я много чего знаю.

Хлоя эпически – иначе и не скажешь – закатила глаза:

– Как хорошо для тебя!

Это, очевидно, должно было положить конец разговору. Хлоя явно не была настроена пускаться в дальнейшие объяснения, и, раз уж она не скрывала от него какое-то требующее немедленной помощи ранение, остальное его не касалось. Рэд так и сказал себе, и очень твердо: «Это не мое дело. Это не мое дело. Не мое это собачье дело». Ей явно есть кому позвонить в случае ЧП, как его мать звонит ему, когда путает с инсулином. У него не было больше ни единой причины тут торчать.

Но он же должен закончить с чаепитием, не так ли? Будет невежливо оставить чай недопитым.

Рэд сидел, уставясь в окно, и потягивал почти остывший напиток. Хлоя рядом с ним занималась тем же. Из ее окна он видел свое собственное: их разделял лишь узкий дворик. Видел свой брошенный мольберт и даже несколько голых холстов, сваленных в комнате. Роскошная позиция для слежки, ничего не скажешь.

Он одним глотком прикончил остатки чая и посмотрел на Хлою – только чтобы обнаружить, что она утомленно прикрыла глаза.

– Ты хочешь, чтобы я отчалил и дал тебе поспать?

– Я не устала, – немедленно отозвалась она. – Просто даю глазам отдохнуть.

Поскольку это явно был бред собачий, настало время уходить. И все же он почему-то продолжил пребывать на диване и нести бессмысленную фигню в духе:

– Значит, ты веб-дизайнер.

– Ага, – пробормотала Хлоя.

Она была такая притихшая, без обычного язвительного огонька, что Рэду невольно захотелось вновь его зажечь – любым возможным способом. Даже если это означало бы выбесить ее:

– Вот уж не подумал бы, что ты станешь утруждать себя работой. У вашей семьи ведь денег куры не клюют.

Это вроде как сработало. Хлоя приоткрыла один глаз, словно греющаяся на солнышке ящерица, умудряясь при этом выглядеть надменно:

– С чего ты взял, что у меня богатая семья?

Он фыркнул:

– Хочешь сказать, это не так?

Она снова закрыла глаз.

– Так зачем тебе работать? – повторил Рэд – не потому, что ему было искренне любопытно, но желая ее растормошить. Только и всего.

Хлоя вздохнула:

– Может, потому, что месячной суммы, которую я получаю с траста, мне не хватает на чай и шоколадки с морской солью. Или, может, потому, что у меня зависимость от древних

игрушек Бини-Бэйбиз, которые я тысячами заказываю с Ибэя. Еще есть вероятность, что в швах всей моей одежды спрятаны маленькие бриллиантики.

Рэд не мог сдержаться. Он рассмеялся:

– Какая же ты охренительно...

Охренительно внезапная. Может, она и не такая уж и злобная снобка, как он когда-то решил. Может, она просто неловкая, саркастичная брюзга, и ему следует прекратить вспыхивать в ее обществе.

Боже, он же даже не был вспыльчивым – до тех пор, пока не оказывался рядом с ней. А Рэд на собственном горьком опыте убедился, что, если женщина подрывает его внутреннюю гармонию, ни к чему хорошему это не приведет.

Может, поэтому он вдруг обнаружил, что говорит:

– А мне как раз нужен веб-сайт.

– Правда? – Тон у нее был сухой, как наждачка, но отчего-то Рэд понял, что она заинтересовалась.

А может, просто принимал желаемое за действительное.

– Ты, наверное, из элитных дизайнеров, а? Держу пари, дерешь втридорога.

– Так и есть.

Она открыла глаза, и, когда их взгляды встретились, по спине у Рэда что-то пробежало – одновременно горячее и холодное, неожиданное и необъяснимое. Он все еще пытался понять, что это такое было, когда Хлоя добавила:

– Но, раз уж ты так великодушно закрываешь глаза на кота, возможно, я сделаю для тебя скидку.

Рэд приподнял бровь:

– Какого кота?

Она так слабо изогнула губы, что это едва ли можно было назвать улыбкой. Но, если бы Рэд все-таки *решил* назвать это улыбкой, что ж – тогда это был первый раз, когда Хлоя ему улыбнулась. Хотя не сказать чтобы он отслеживал эти события.

– Учти, это только до тех пор, пока мы не найдем владельцев, – быстро добавил он.

Ее не-улыбка расширилась до полумесяца:

– У него нет ошейника.

– Но дворовым он не выглядит. Наверняка чипированный.

– Я это выясню, – сказала она.

– Хорошо. И не выпускай его, ладно?

– Я узнаю, сможет ли кто-нибудь из моих сестер срочно смотаться за кошачьим наполнителем.

Рэд вздохнул, смиряясь с изъятием собственной природы:

– Я сам схожу.

Хлоя бросила на него один из своих обычных взглядов – раздраженный и надменный. Рэд постарался не рассердиться, когда за взглядом последовали слова – слова, которых он никак не ожидал.

– Ты такой *душка*, – нахмурилась Хлоя. – Это практически невыносимо.

Рэд моргнул – по затылку поползло тревожное тепло. Что означало – черт бы побрал эту кожу – что он, видимо, залился краской, как подросток. Он отвернулся, провел пальцами по волосам и бросил грубоватым голосом:

– Мне нетрудно.

Последовала пауза – а потом Хлоя рассмеялась низким голосом, словно не веря своим глазам:

– Батюшки! Да ты *покраснел*.

– Ничего подобного. – Рэд прекрасно знал, что лицо у него уже цвета помидора, но врал все равно.

– *Еще как* покраснел! Уморительно. Мне стоит почаще делать тебе комплименты.

– Прошу, – с иронией сказал он, – не стоит. – Вот этого он точно не вынесет.

– Ладно. Обещаю впредь говорить только гадости. – Она улыбнулась – улыбнулась *настоящему*: ярко, немного кривовато и совершенно ослепительно.

Улыбка держалась всего секунду, но ее отпечаток остался у Рэда под веками, как след погасшего фейерверка. Потом Хлоя нахмурилась и прижала пальцы к губам, как будто собственный проблеск счастья удивил ее. Что, если отбросить прочие обстоятельства, выглядело охренеть как печально. Она посмотрела на него, оценивающе прищурившись, будто он был какой-нибудь подопытной крысой.

– Живой, – пробормотала она едва слышно. – Хм.

Рэд приподнял брови:

– Прошу прощения?

Она наклонила голову:

– Думаю... Полагаю, у меня есть для тебя встречное предложение.

В ее тоне не было ничего обольстительного, но от этих слов у Рэда возникло ощущение, будто его ударили в грудь. Он смотрел слишком много дерьмовых фильмов про шпионов, где встречные предложения обычно заканчивались работой двойным агентом.

– Какое это?

– История довольно долгая. – Хлоя прикусила губу. – Хотя, вообще-то, забудь про историю: слушать ее тебе незачем. Если коротко, мне нужно прокатиться на мотоцикле.

Если бы речь все-таки зашла о работе под прикрытием, Рэд и то удивился бы меньше. Хлоя Браун. Мотоцикл. Как-то это не сочетается. Он перебрал в голове все приемлемые ответы и наконец остановился на:

– И?

Она кивнула:

– И у тебя, очевидно, *есть* мотоцикл.

– Ну да, есть.

– Хочешь бесплатную консультацию? По веб-сайту?

– Возможно.

– Тогда договорились. – Она снова закрыла глаза. – Я тебя проконсультирую, а ты меня прокатаешь. Не возражаешь, если детали обговорим в следующий раз? Как выяснилось, я *действительно* порядком устала.

Он открыл рот, чтобы сказать нечто вроде «А ну-ка погоди-ка минутку», но все, что ему удалось выдать, было:

– Э.

– Я с тобой свяжусь.

Так и сказала. «Я с тобой свяжусь». Как будто только что провела с ним собеседование на должность водителя мотоцикла и вскоре сообщит ему свое решение. Господи боже, она задирает нос так высоко, что просто удивительно, как это ей удается ходить не спотыкаясь.

– До свидания, – добавила она.

Рэд разрывался между желанием послать ее на хер, промолчать, поскольку она – здешняя жилища, и умереть от смеха.

Потом Хлоя приподняла одно веко и настороженно поинтересовалась:

– Ты же не из *таких* мужчин, правда? Потому что ты удивишься, как громко я могу кричать. Годы вокальной практики.

Рэд встал:

– Не-а. Нет. Не волнуйся. Ухожу.

– Спасибо, – пробормотала она.

И он ушел.

Десять минут спустя Рэд стоял в своей гостиной-она-же-мастерская, наблюдая через окно, как Хлоя «дает глазам отдохнуть». С виду она казалась очень даже спящей, но это было не его дело. Он просто хотел удостовериться, что кот не уселся ей на лицо и не перекрыл кислород. Котам нельзя доверять, как говорил ему сейчас по телефону Викрам:

– Маленькие мерзкие твари. Они за диванами ссут, ты в курсе?

Рэд пропустил пальцы сквозь волосы и отвернулся от окна:

– Тебе виднее. Слушай, это только до тех пор, пока мы не найдем владельцев. Женщина из 1D сняла его с дерева – не сдавать же его теперь в общество защиты животных.

– Хм, 1D, – задумчиво пробормотал Вик. Не стоило вдаваться в подробности. Вик был чересчур умен и обладал фантастической памятью: – Это не та, на которую ты вечно жалуешься?

Рэд сердито уставился в пространство:

– *Вечно?*

– Вечно.

– Неправда.

– Алиша! – проревел Вик. – Рэд опять нудит про ту богатенькую цыпочку из 1D.

Рэд услышал раздавшийся в отдалении ответный вопль жены Вика:

– Ох, да ладно. Скажи, чтоб заткнулся уже на фиг насчет нее.

– Видишь?

– Да иди ты!

Вик картинно вздохнул:

– Нет ничего постыдного в том, что у тебя есть типаж, дружище. Лично мне мажорки никогда не нравились, но...

– Вик.

– ... твои вкусы далеки от идеала.

– *Вик.*

– Чтобы через месяц никакого кота не было, – сказал Викрам, плавно меняя тему. *Слава богу.* – И не выпускайте его из квартиры. Если его кто-нибудь увидит, начнется настоящий ад.

– Я ей так и сказал. Сейчас схожу за наполнителем.

– Правда? Она что, сама сходить не может?

Ну, скорее всего, нет.

– Я же комендант.

– Точно, – фыркнул Вик. – Именно поэтому.

– Ага.

– И вовсе не потому, что у тебя к ней слабость.

Ну уж на хрен нет!

– Ты же меня знаешь. У меня ко всем слабость.

– Что правда, то правда, дружище. Что правда, то правда.

Рэд сбросил вызов. И до конца дня старательно избегал подходить к окну.

Глава пятая

Самая младшая сестра Хлои играла на пяти разных инструментах, но главной ее гордостью был голос. У Ив Браун имелись, как многозначительно говорила Джиджи, «легкие». Так что, когда она ворвалась в квартиру к Хлое, во все горло распевая «Вопреки притяжению», как Идина Мензел на Бродвее, кот отреагировал так, будто началось землетрясение.

Хлоя наблюдала, как доселе вполне спокойный брат ее меньший переключился в режим «свистать всех наверх». За несколько проведенных вместе дней Хлоя выяснила, что этот кот, он не такой, как другие: ему не хватало присущих большинству кошачьих изящества и пространственного мышления – и доказательством тому служил план его текущего бегства. Сорвавшись в сторону спальни, кот умудрился врезаться поочередно в диван, в основание напольной лампы и в дверной косяк, прежде чем бегство ему наконец удалось. Хлоя решила, что сама судьба, наградившая их обоих нервной неуклюжестью, свела их вместе. В моменты утомления или паники она тоже отличалась склонностью врезаться в двери по несколько раз кряду.

Ив заскочила в освобожденную от кота гостиную и радостно пропела:

– Мы принесли вкусняшки! – А потом, увидев, как Хлоя морщится, вынула из уха один из своих вечных эйрподов и театральным шепотом повинулась: – Ох, прости. У тебя голова болит?

– Нет.

– Она врет, – сказала Дани, появляясь на пороге с просто непристойным количеством магазинных пакетов в руках. Она была в пушистой серой панамке, защищающей бритую голову от холода. – Я всегда понимаю, когда ты врешь, Хло. Понятия не имею, зачем ты вообще напрягаешься. Чаю?

Хлоя закатила глаза и зарылась поглубже в гнездо, которое устроила себе на диване.

– Это точно чай? Или очередное твое непонятное зелье?

Дани угрожающе пошевелила бровями и приподняла пакеты:

– Не беспокойся, дорогая. Иви испекла шоколадный торт, чтобы тебе было чем закусить свои таблетки.

Десять минут спустя Хлое действительно вручили дымящуюся кружку с загадочной пряной жидкостью и толстый кусок липкого шоколадного торта. Она с бесстыдным восторгом откусила от последнего и возвела глаза к потолку – пропади эта головная боль пропадом!

– Просто божественно!

– Специально для тебя испекла, – сообщила Ив и похлопала Хлою по коленке, как обеспокоенная мать.

С Великого Древолазанья прошло три дня, каждый из которых Хлоя провалялась на диване, потому что тело закатило ей скандал. Ее сестры, отличавшиеся чрезмерной любопытностью, наконец пронюхали, что что-то нечисто, и, точно на малого ребенка, обрушили на нее свою заботу. Это слегка раздражало и в то же время умиляло, потому что подразумевало как похлопывания по коленке, так и райский шоколадный торт.

– Спасибо. Ты очень хорошо печешь.

– Когда-нибудь я напишу это на витрине своей пекарни, – жизнерадостно отозвалась Ив. – «Я очень хорошо пеку. Мне сестра так говорит».

Хлоя приподняла брови:

– Пекарни?

– Это ее новый план, – крикнула из коридора Дани. – Но только не спрашивай ее о нем, а то она начнет жаловаться на родителей-тиранов, которые отказываются одолжить дочери денег на раскрутку бизнеса, а ты знаешь, что я терпеть не могу этого избалованного нытья. – Не обратив никакого внимания на возмущенное аханье младшей сестры, Дани вернулась в

комнату, держа на руках шипящего кота. – Так, – сказала она, приподнимая извивающийся меховой комок, – значит, это та тварь, которую ты спасла?

– Нет, – буркнула Хлоя. – Это лишь один из бесконечного множества котов, которыми я обзавелась два дня назад.

– Заткнись!

Стиснув зубы, Дани строгим взглядом уставилась в пару прищуренных кошачьих глаз. Она всегда стискивала зубы, когда особенно сильно на чем-то сосредотачивалась. Наконец, положив межвидовым гляделкам конец, сестра объявила:

– Я считаю, что этот кот... самец.

– Превосходно, – сказала Хлоя, вполне довольная. – Назовем его Клякс.

– Ох, Хлоя, – цокнула языком Ив. – Ты должна назвать его Кот, как Холли Голайтли.

Ну и дерзкие же эти младшие сестры! Командирши, обе две. Одарив сестру испепеляющим взглядом, Хлоя заявила:

– Не учи меня моих детей воспитывать. Его зовут Клякс. И точка.

– Чудесно!

Дани отпустила Клякса, и он немедленно попытался дымчатым пятном прыснуть прочь. После незначительного столкновения с ножкой стола ему это даже удалось. Дани фыркнула и изрекла, изображая говор их бабули:

– Ишь ты, трусливый, аки заяц.

– Всего боится, – призналась Хлоя. – Думаю, поэтому он на дереве и застрял: он мог спуститься, но слишком уж трусил.

Атмосфера в комнате переменилась, на сестринских лицах расцвели, как цветы, радостные ухмылки, а взгляды обратились к Хлое.

– Ах да-а-а, – пропела Ив, откидываясь на подушку. – На *дереве*. На которое ты *залезла*. Как *крутая* девчонка! Рассказать не хочешь?

А. Хлоя лукаво улыбнулась.

– Это было весьма впечатляюще, – пробормотала она, изображая скромность.

– Давай рассказывай, – потребовала Дани, растянувшись на полу.

Честное слово, у этой женщины как будто была аллергия на стулья. А еще она ловко распознает ложь. Но заметит ли она всего одну незначительную (читай: огромную и рыжеволосую) недомолвку? Хлоя надеялась, что нет, поскольку вовсе не намеревалась рассказывать сестрам об участии в этом Рэда.

– Увидела кота – слезила за котом. Это было очень атлетично. Я взбиралась на то дерево, как... как Лара Крофт!

– С потным декольте и частыми неуместными сексуальными стонами? – уточнила Дани.

– Ловко и непринужденно, – поправила Хлоя, слегка покривив душой.

– Уверена, ты выглядела очень даже байронически, – сказала Ив.

Последовала краткая пауза, прежде чем Хлоя смогла расшифровать это заявление:

– Ты имела в виду «героически», милая?

– Нет.

Дани закатила глаза:

– Как бы там ни было, я рада, что ты это сделала. Забралась на дерево, в смысле. Мне жаль, что это спровоцировало приступ, но я все равно рада.

– Правда, Дани? – Хлоя подозрительно прищурилась. – Потому что это было частью моего плана, как стать фантастически дерзкой и чрезвычайно интересной, а мне тут птичка на хвосте принесла, что у тебя имеется личная заинтересованность в моем провале.

– Ой, не начинай, дорогая. Всего-то пятьдесят фунтов: конечно, я с радостью проиграю. Да и к тому же я что-то не припомню, чтобы спасение котов или лазанье по деревьям входило в список. Разве я ошибаюсь?

– Нет, – признала Хлоя. – Это была внеплановая деятельность.

– Ну что ж. Значит, мои пятьдесят фунтов в безопасности. Ну и что ты собираешься делать с котом в долгосрочной перспективе? Здесь же запрещено заводить домашних животных, правильно?

– Я на время договорилась с комендантом, – ответила Хлоя и тут же отвесила себе мысленный пинок.

Ее сестры, вполне ожидаемо, разразились сладострастными стонами и вздохами.

– *С Рэдом*, – произнесла Ив так чувственно, что можно было бы подумать, будто они с комендантом – реинкарнации Ромео и Джульетты.

– *С Рэдфордом Морганом*, – вторила ей Дани так сварливо, как Хлое никогда не удавалось.

Даника Браун училась в университете, придерживалась прогрессивных взглядов и была спиритуалисткой-любительницей, которая брила голову, «потому что с волосами *слишком уж* много возни», но, помимо всего этого, она пошла в Джиджи.

Если бы это Дани спас с дерева привлекательный мужчина или, если уж на то пошло, женщина... что ж, к тому времени, как они спустились бы на землю, упомянутый(-ая) спаситель(-ница) был(-а) бы гарантированно ею очарован(-а).

– *И как же тебе удалось заключить такой договор?* – невинно поинтересовалась Ив, хлопая ресницами.

– Предложила расплатиться натурой, ясное дело, – ухмыльнулась Дани.

– А ну-ка помолчите, вы обе. Я еще не настолько отчаялась.

– Потому что переспать с этим мужчиной было бы настоящей пыткой, – фыркнула Ив. – Он же ходячий секс, Хло. И очень *милый*.

– Милый? Ты явно его плохо знаешь.

– И только поэтому до сих пор не беременна от него. А у тебя какое оправдание?

– Ее оправдание, – влезла Дани, – такое, что он настолько горяч, что при виде него ее маленький робомозг тут же начинает коротить.

– Мой робомозг просто огромен, большое спасибо, – фыркнула Хлоя. – И его никогда не *коротит*.

Дани медленно улыбнулась – было достоверно известно, что эта улыбка уже стала причиной предложений руки и сердца, ревливой драки и, в одном примечательном случае, несерьезной аварии.

– Чудесно, – промурчала она. – В таком случае я ожидаю, что ты пересподишь с ним как можно скорее. В твоем списке ведь есть секс?

Хлоя едва не задохнулась от шока.

– *Есть*, – вклинулась Ив. – Ой, ну давай, Хло. Трахни его. А потом расскажи нам.

Господь всемогущий, сестры – это просто кошмар.

– Мужчины, – твердо постановила Хлоя, – не для меня.

Особенно этот мужчина. Я бы даже не знала, что с ним делать. Но мозг тут же подкинул пару героических вариантов, от которых у нее пересохло во рту.

Дани склонила голову:

– Наконец решила попробовать с женщинами? Замечательно.

– Ни с кем я не пробую, хватит об этом. – Очевидно, ее подсознанию необходимо было напоминать об этом так же часто, как сестрам.

– Почему нет? – требовательно спросила Ив, чья романтическая натура явно была оскорблена.

– Ты знаешь, почему.

– Очевидно не знаю.

Ох!

– Слишком много проблем. Не хочется утруждаться.

Две пары темных и явно не впечатленных глаз смерили ее скептическими взглядами.

Хлоя повысила ставки:

– Очень нелепо встречаться с кем-то, когда больна. Некоторые люди ведут себя просто ужасно. А вы знаете, что у меня не так много сил на всю эту возню с социализацией.

– *Возню с социализацией*, – фыркнула Ив. – Честное слово, Хлоя, сколько же фигни у тебя в голове!

Ив явно не осознавала, что под «возней с социализацией» Хлоя подразумевала «вечное разочарование, основанное на самой человеческой природе». Она на собственном горьком опыте узнала, что люди всегда ищут причину уйти, что теплота, или привязанность, или обещания верности обращаются в прах, как только что-то идет не так. Расставание с Генри научило ее этому. А тот день, когда она проснулась и неожиданно осознала, что все друзья, уставшие от ее вечных списков, и перенесенных встреч, и четко выверенных защитных механизмов, бросили ее... лишний раз подтвердил болезненные выводы первого урока. Родственники Хлои отличались нездоровой преданностью друг другу, и она обожала их за это, но они, казалось, не понимали, что другим доверять нельзя. Лучше быть одинокой, чем брошенной.

Она не собиралась допустить, чтобы это произошло снова.

Но если бы она объяснила все это сестрам, они заявили бы, что у нее просто был неудачный опыт, а потом принялись бы оскорблять всех, кто когда-либо ее бросал. А потом Хлоя пришлось бы вспоминать все то, что она потеряла, и в тысячный раз гадать, что с ней не так, раз ее так легко покинуть.

Пора было сменить предмет разговора, а заодно и пижаму.

Сбросив с себя одеяло и поднявшись на ноги, Хлоя почувствовала мимолетное головокружение, но она была к этому готова. Она подождала. Подкрадывающаяся чернота отступила.

– Ну вот, – улыбнулась она, довольная собой. – Как огурчик.

Дани встревоженно посмотрела на нее:

– Куда это ты собралась?

– Просто в душ заскочу. Ненадолго.

Это была бессовестная ложь. Душ затянется еще как надолго, и все присутствующие прекрасно об этом знали.

– Тебе помочь? – спросила Ив.

– Мне не настолько плохо. – Хлоя закатила глаза и оставила сестер сидеть в гостиной.

Стянув с себя несколькодневную пижаму и усевшись на пластмассовое сиденье в ванной, она возблагодарила Бога за удобства для инвалидов, которыми располагали все квартиры на первом этаже. Взяв шампунь и кондиционер, Хлоя включила воду и, наклонив голову, сунула ее под душ.

Последние несколько дней выдались так себе. Слазав на то дерево, она влипла в выбеживающий ее замкнутый круг. Физическое перенапряжение привело к болям и нехватке «ложек»⁶, то есть отупляющему утомлению; которые привели к дополнительным лекарствам и бессоннице; которые привели к снотворному и совершенно затуманенному сознанию; которые привели к, говоря коротко, жалкому состоянию.

Обнаружив, что застряла в этом круговороте, Хлоя, как предполагалось, должна была предпринять определенные действия. Например, пообщаться со всеми своими несуществующими друзьями, несмотря на неспособность почистить зубы и переодеться. Например, заставить свое измученное тело изгибаться в приносящих одни страдания позах пилатеса, потому что это *та-а-ак* полезно для мышц. Например, помедитировать, видимо, чтобы глубже осо-

⁶ Так называемая теория ложек измеряет ложечками жизненную энергию, в метафорическом ключе объясняя процессы восстановления сил. В основном применяется к инвалидам и хронически больным.

знать, как сильно она обижена на собственные нервные окончания. Предполагалось это все, само собой, врачами-консультантами, которые сами по себе были довольно умными, но никогда не жили в теле, находящемся в состоянии постоянного кризиса.

Что Хлоя делала на самом деле, так это с почти религиозным рвением принимала свои таблетки, писала мудреные списки, играла в «Симс» и просто старалась переживать день за днем. Иногда было тяжело, но она справлялась, делая все, что считала необходимым.

Прямо сейчас ее боли утихли до небольшого фонового шума, а в голове впервые за много дней прояснилось. Она соскребла с головы трехдневный лихорадочный пот и улыбнулась, трогая пальцами милые завитушки на корнях. Почти пора делать новое химическое выпрямление; у нее не было сил заботиться о естественной текстуре своих волос, какой бы симпатичной она ни была. Нанеся на волосы кондиционер, Хлоя чрезмерно щедро намазала душистым мылом, приподнявшись ровно настолько, чтобы удалось его смыть. Она понаблюдала, как вода уносит с ее кожи белые островки пены, – будто облака плывут над землей. Когда Хлоя до смерти уставала быть до смерти уставшей, она цеплялась за подобные моменты: первый душ после обострения.

За мгновения блаженства следует держаться рукам и ногами.

Некоторое время спустя Хлоя была чиста, суха и одета в аккуратное чайное платье с джемпером под стать – хотя все ее джемперы выглядели как кардиганы. Ей нравились пуговички, но ее пальцам не всегда удавалось с ними справиться. Ее очки были свежепротерты, а волосы закручены в блестящий пучок. Она приняла противовоспалительные, самые слабенькие болеутоляющие, а также таблетки, восстанавливающие кишечник от воздействия остальных препаратов.

Потом вернулась в гостиную, демонстративно проигнорировала своих препирающихся сестер и написала несколько списков: кому отправить имейлы, какую работу доделать, какие дневники настроения и питания заполнить. Под конец она сделала в дневнике одну пометку, в разделе планов на неделю. Пометка представляла собой одно-единственное слово.

Рэд.

Хлоя не была уверена, что еще написать. Что вообще можно написать о мужчине с волосами как огненный каскад, с серебряными кольцами на пальцах; о мужчине, который всем улыбается и не испытывает от этого ни капли неловкости; о мужчине, который является полной противоположностью скучной Хлое Браун?

Очевидно, только его имя.

Вынырнув в реальность, она обнаружила, что сестры спорят о Леди Гаге – ну конечно, о чем же еще?

– Это был переходный этап. Все спотыкаются, когда растут.

– Это был полный крах, Ив. Ну то есть! – Дани взмахнула руками. – После величия «Born This Way»...

– Тебе нравится «Born This Way» только потому, что он темный и злой и весь такой «ра-ра-ра».

– Не сходи с ума. Он мне нравится потому, что он беспардонно сексуальный и иронично-немецкий.

– Сама ты сошла с ума.

– Говорит женщина, которой больше нравится «Paper Gangsta», а не «Judas».

– Ох, да бога ради, – фыркнула Ив с явным отвращением. – Эта песня – ярчайший пример потраченного впустую вокального таланта.

Дани изогнула бровь:

– Милая. Такое ощущение, что ты не слышала ни одной песни Майли Сайрус.

Сердитый напор Ив пошатнулся, а потом рассыпался в прах. Она хихикнула. Дани засмеялась.

Хлоя возвела очи горé:

– Если вы двое уже закончили...

По правде говоря, их вообще не должно было быть здесь. У Дани имелся нескончаемый список университетских заданий, а Ив вечно делала какие-нибудь одолжения кому-нибудь из ее многочисленных друзей. Но они все равно пришли, потому что работали родительскими агентами в тайной войне Проверок Здоровья Бедной Хлои – и потому, что хотели убедиться, что она не отключилась в душе и не разбила себе черепушку. Хлоя тоже хотела, чтобы этот вопрос держали на контроле, так что в дни, подобные этому, очень ценила их присутствие. Но у обеих были свои дела, свои жизни и так далее.

А у Хлои был пункт в списке, который требовалось вычеркнуть. И теперь оставалось только запустить процесс.

Так что она выставила сестер из квартиры, расцеловав их в щеки, договорившись как-нибудь посмотреть вместе фильм, пообещав навестить Джиджи – Ив должна была передать это сообщение – и осыпав их саркастическими замечаниями, потому что скорее умерла бы, чем сказала «спасибо». Она не всегда была такой – язык за зубами, чувства под замком. Но помощь и забота, даже от любимых людей – даже когда она в них нуждалась, – действовали ей на нервы. Напрягали, или, скорее, изматывали. Откровенно – и виновато – говоря, иногда простая благодарность оставляла во рту привкус едва подслащенной горечи. Так что Хлоя перестала благодарить людей вообще.

Когда сестры ушли, она почувствовала себя опустошенной и странно одинокой, несмотря на то что Клякс выбрался из своего укрытия. Она встала посреди пустой гостиной, благодаря Дани ставшей теперь немного прибраннее, и уставилась на противоположное окно.

Само собой, она погуглила Рэдфорда. Даже включила ради этого стационарный компьютер с двумя мониторами, стоящий у нее в спальне, хотя ноутбук с тачскрином и гора подушек были куда удобнее. Ей просто хотелось увидеть столько визуальных деталей, сколько возможно. Это было чисто профессиональное занятие: она хотела выяснить, есть ли о нем уже что-нибудь в интернете и права ли она была, решив, что сайт ему нужен для целей, связанных с творчеством. Она не знала точно, чего ожидать, – но в итоге обнаружила фотографии его работ, настолько прекрасных, что у нее перехватило дыхание, на многочисленных сайтах и страничках фанатов, интересующихся друг у друга, куда подевался Рэдфорд Морган.

«Он занят – очаровывает жильцов в многоквартирном доме Южного Ноттингемшира. И да, отвечая на ваши бесчисленные вопросы, он действительно еще пишет».

Также она нашла несколько таблоидных фото, которые удивили ее гораздо больше его таланта и популярности. На них крупный, суровый Рэдфорд Морган покидал гламурные мероприятия под руку с какой-то большезубой мажористой блондинкой. Женщина была привлекательная и хорошо одетая – блестящие волосы, дизайнерская обувь. На Рэда она смотрела как волк на овечку.

На этом Хлоя бросила поиски. Почему-то от этих фото по ее спине пробежал холодок. Появилось чувство, что она уже не просто гуглит, а... разнюхивает. А она давно уже пообещала себе прекратить. По этой самой причине она решила выкинуть из головы все, что обнаружила, и делать вид, будто не знает о жизни Рэда ничего. На консультации по поводу сайта она будет воплощением неведения, а следовательно, невинности.

По крайней мере она надеялась.

Глава шестая

Когда Рэду было шесть или семь, у него была нянька по имени Мэнди. Мэнди самой было около тринадцати, но она присматривала за ним по вечерам за десятку в неделю, чего в те времена хватало ей на уйму сладостей, а иногда и на сигареты, которые она тайком покуривала. Она обожала читать, но одновременно ей хотелось хорошо выполнять свою работу. И она нашла компромисс: укладывала Рэда спать пораньше и час или два читала ему вслух книжку. И Рэд по сей день винил Мэнди в том, какие странные ему снились сны.

Благодаря «Алисе в Стране чудес» и «Питеру Пэну» они всегда были чуточку чересчур реалистичными. Он видел цветные сны, сны про Зазеркалье, сны про кроличьи норы. Сны, в которых падающие звезды озаряли пурпурным светом закатные небеса цвета кровоподтеков, люди возникали перед ним вихрями, а под кожей жила музыка. Это было не совсем нормально, но с возрастом он привык. Поэтому-то сон, приснившийся ему прошлой ночью, так взбудоражил его.

Сон прошлой ночи был каким-то иным.

Начать с того, что он был темным, кромешно-черным, как будто весь свет внутри его головы выключили. И жарким – жарким, как вечер в середине лета, когда воздух знойный и душный. И в нем Рэд был с женщиной. Касался ее, целовал, проснулся с собственным семенем на животе и ее именем на губах.

Хлоя.

Подтекст этого сновидения, мягко говоря, не привел его в восторг. Влажные сны случались у него редко, поскольку он был взрослым мужчиной, а если и случались, то в них он видел радостных безликих женщин, которые не возражали, чтобы им кончали на грудь. Может, Хлоя тоже не возражала бы – во сне так точно, – но она явно не была ни радостной, ни безликой. И без оргазма его не оставила.

Однако он никак не мог перестать прокручивать этот сон в голове. Этот охренительно фантастический сон.

Проведя утро за мелким ремонтом, а день – за возней с батареей в 3В в попытках выпустить из нее воздух, – что было впечатляюще, потому что налажать с выпуском из батареи воздуха, по идее, должно быть категорически невозможно, – Рэд сдался и пошел домой. Теперь он сидел у себя в спальне, как дурак, как будто возвращение на место преступления поможет ему восстановить концентрацию. Очень, на хрен, маловероятно, но, господи, так больше продолжаться не может.

Рэд откинулся на подушки и вздохнул. Он начинал подозревать, что неподходящие женщины для него – какой-то фетиш. Сначала Пиппа, теперь эта нездоровая заинтересованность Хлоей. Это было не совсем *влечение*, это просто не могло быть им, потому что Рэда возбуждали только женщины, которые ему по-настоящему нравились. Нет, это было что-то другое. Что-то, что даже сейчас нашептывало ему на ухо, обжигая кожу воспоминаниями о прошлой ночи, подавляя благие намерения и заставляя член напрячься. Рэд сделал вдох, потом другой. Закрыв глаза и побарабанил пальцами по простыням. Боролся с внезапным порочным искушением, сколько мог.

Мог он, как выяснилось, примерно пять секунд. А потом треснул, словно испорченное яйцо.

Он по-прежнему был в своем форменном комбинезоне, так что хватило всего одной руки, чтобы расстегнуть пуговицы, сунуть ладонь за пояс трусов и обхватить член. Когда мозг услужливо подсунил трехдневное воспоминание о голых лодыжках Хлои и ее блестящих от влаги ключицах, Рэд одновременно испытал отвращение к себе и облегчение. С одной стороны,

было чрезвычайно странно, что таких мелочей ему хватает, чтобы возбудиться. С другой – это было весьма удобно, потому что голой он ее явно никогда не увидит.

Зато представить мог вполне. И представил. В его голове Хлоя Браун лежала в его постели – потому что там ей и было место. Он понятия не имел, почему, и Хлоя-Из-Его-Головы была не в том состоянии, чтобы что-то объяснять, но это было определено так. Он чувствовал ее мягкую кожу своей, ее дыхание на своем ухе, ее ногти, впившиеся в его бицепсы. Фантомный запах преследовал его, соленый, как океанский воздух летом – или как пот между телами двух людей.

Он стиснул основание ствола, и удовольствие пронзило его электрическим импульсом. Свободная ладонь обхватила тяжелую мошонку, переполненную, крепкую и тугую. Рэд не знал, радоваться или беспокоиться, когда понял, что долго не продержится. Минуту максимум. Он принялся грубо ласкать себя, двигая кулаком, а достигнув набухшей головки, размазал предсперму по чувствительной коже большим пальцем.

Его так и тянуло войти в нее, но вместо этого он спустился вниз по ее обнаженному телу. Закрыв глаза на собственную слабость, он вдыхал ее, окутанный ее жаром. Наклонил голову. Провел по ней языком, раздвигая пухлые губы, чтобы подразнить клитор и ощутить на вкус ее мокрую, пылающую щелку. В реальном мире он содрогнулся – словно его тело больше не могло этого выносить. Следующий вдох получился рваным. Он начал двигать рукой быстрее, подумав, как она среагировала бы, как стиснула бы его бедра, выгибаясь вверх, к нему навстречу, и как ее опасный голос прохрипел бы его имя...

В дверь постучали.

Рэд вскочил с кровати и уставился на себя: комбинезон расстегнут – маленькое развратное окошечко, демонстрирующее торчащий член, служит неопровержимым доказательством того, что он почти сделал. Но, лихорадочно сказал себе Рэд, прошлая ночь не считается, потому что это был всего лишь сон, а этот раз не считается, потому что он так и не кончил. *Не считается.* Все нормально.

Он прочистил горло, спрятал предательский член и направился в ванную, по дороге крикнув в сторону двери:

– Одну секунду.

Последний голос, который он хотел бы услышать, отозвался:

– Конечно, не нужно из-за меня спешить.

Тон был бодрый и невозмутимый – значит, как ему теперь было известно, она шутит.

Рэд замер, спрашивая Господа, что ж он такого натворил, чтобы заслужить это, а потом вспомнил, чем занимался около шестидесяти секунд назад, и угадал ответ. Надеюсь, что ошибся, – прекрасно зная, что нет, – он выдал:

– Хлоя?

– Очень проникательно, мистер Морган.

Черт!

– Просто... подожди немного, – попросил он, резко возвращаясь к реальности.

С бешено колотящимся сердцем кинулся в ванную. Руки были вымыты, горящие от неловкости щеки охлаждены водой из-под крана, а комбинезон – застегнут. Полностью. До самого верха. У Réда появилась нелепая мысль, что рядом с Хлоей его нравственность в опасности, – и это была самая странная мысль в его жизни. Он собрался – в конце концов – и пошел открывать дверь. А увидев Хлою, понял, почему никак не мог выкинуть ее из головы.

Его сны не могли воссоздать ее детально. Что-то в ее образе было слишком впечатляющим, чтобы запомнить его в точности, будто мозгу не хватало ресурсов. Хлоя смотрела на него своими бездонными глазами, сложив руки под грудью, – но туда он смотреть не будет – и изогнув брови. Одна, как всегда, была чуть выше другой. Так же, как один уголок ее сочных губ был приподнят немного сильнее, от чего складывалось впечатление, что Хлоя ухмыляется.

Хотя, вообще-то, она и ухмылялась. Склонила голову и поинтересовалась:

– Что, ради всего святого, с тобой стряслось?

Рэд резко поглядел вниз, ища, что могло его выдать. Мешковатый покррой одежды скрывал тот факт, что его член по какой-то причине все еще стоял. Он уставился на свои руки и обнаружил, что на них, вопреки обыкновению, нет ни следа краски, а что самое главное, ни следа спермы. Потому что он не кончил. И это была ключевая информация. Он встретился с ней взглядом и так спокойно, как только мог, спросил:

– В каком смысле?

Хлоя подозрительно посмотрела на него.

– Ты весь красный. Волосы растрепаны. И... – Она подалась поближе, всматриваясь в его грудь: – У тебя, кажется, пуговицы неправильно застегнуты.

Ох, твою мать! Она знала. Откуда-то – возможно, потому, что она ведьма, являющаяся в его сны, – она *знала*. А сейчас она этим воспользуется, как оружием против него, потому что именно так люди вроде нее и поступают. Ему это было известно. Прекрасно известно. Он...

– Рэдфорд Морган, – строго сказала Хлоя, – ты что, спал на работе?

Рэд почувствовал такое облегчение, что чуть не отключился на фиг. Он вцепился в дверной косяк и испустил тяжелый вздох, наклонив голову, от чего лицо скрылось за волосами. Потом вспомнил, что пытался казаться нормальным, а не типом, мастурбирующим на женщин – *жилльцов*, – с которыми едва знаком. Он выпрямился и прочистил горло – самым виноватейшим образом. Хлоя тарасила на него с явным недоумением.

– Да, – соврал он. – Подремал немного.

– Хмм. Видимо, ты из тех людей, кто недооценивает пользу десятичасового ночного сна.

– Я думал, восьмичасового?

– Чушь. Определенно десяти.

Блеск в ее глазах давал знать, что она собралась спорить. Рэд решил с ней не связываться и попытался найти другую тему. Его взгляд наткнулся на жесткую черную сумку, свисающую с ее плеча:

– Ты мне что-то принесла?

– В каком-то смысле. Это мой ноутбук. Я подумала – загляну и узнаю, нет ли у тебя времени для консультации.

Она шагнула вперед. В одном этом коротком шаге было столько властности, что Рэд машинально попятился. И вот она внезапно уже у него в квартире. Как, блин, это произошло? И как он теперь должен ее выставить?

Рэд открыл рот, чтобы сказать «уходи, пожалуйста», но потом вспомнил, что он не какой-нибудь грубый мудака, и сдержался. Факт состоял в том, что он не выносил мужчин, которые относились к тем женщинам, которых хотели, как-то иначе, чем ко всем прочим людям. И вообще, тот сон – ерунда. Ему просто надо всласть потрахаться, а Хлоя была несомненно шикарная, вот его подсознание и слепило два этих факта. Всего и делов.

Рэд закрыл дверь и сказал:

– Ага. Я не занят.

– Чудесно.

Ее улыбка была легкой и невозможно солнечной. Хлоя повернулась к нему, и юбка всколыхнулась вокруг ее ног. Юбка эта была пышная, винтажная, белая с яркими красными маками на подоле. Рэду она понравилась. Но, опять же, ему нравилось все чопорное барахло, которое она носила. Он невольно позволил своему взгляду скользнуть по ее ногам. Сегодня он снова мог лицезреть ее голени, как и ее щиколотки, перехваченные кожаными ремешками блестящих туфелек. Он впитывал каждую деталь, как какой-нибудь викторианский тип, страдающий от недостатка секса.

– Ты в порядке? – спросила Хлоя.

– Нормально.

Ее глаза за бирюзовой оправой сузились:

– Ты сегодня какой-то сам не свой.

– Ты не знаешь, какой я на самом деле.

Последовала пауза, прежде чем она признала:

– Это правда.

Плечи у нее по-прежнему были выпрямлены, а нос твердо задран вверх, но на какой-то миг она показалась ему... уязвленной. Как будто он огорчил ее.

Его первым порывом было извиниться. Потом Рэд вспомнил, что сказал правду, что она ему не нравилась и что она определенно за ним подглядывала. Ему не следовало переживать о ее чувствах. Он не собирался переживать о ее чувствах.

Он повел ее в гостиную, но на середине коридора вспомнил, что у него, вообще-то, *нет* гостиной, поскольку он переоборудовал ее под мастерскую. Вспомнил стульчик, стоявший у Хлои на кухне, – мягкий и плюшевый, с удобной спинкой. Остановился. Нахмурился ни на что в частности, а может сам на себя, и сказал:

– Пожалуй, тебе будет не очень-то удобно на шаткой деревянной табуретке, да?

Она мимолетно, неуловимо поморщилась, но он все равно заметил. *Заметка на будущее: перестать так сурово смотреть на Хлою.*

– Не очень-то удобно, да, – неловко согласилась она.

Судя по тому, как она избегала встречаться с ним взглядом, она не знала, как сказать: «Я категорически не смогу сидеть на шаткой деревянной табуретке». Он бы списал это на застенчивость, но прекрасно знал, что она не застенчива. Так почему она не раздает наглые команды направо-налево, как три дня назад?

Может, ей неудобно, потому что ты такой унылый недоумок.

О да! Может. На лицо Рэда без его ведома набежала легкая хмурая тень. Воздух в коридоре завибрировал от напряжения, целиком и полностью исходящего от него. Чувство вины запустило когти в его тело. А он, в свою очередь, запустил руку в волосы:

– Слушай... Прости, если я веду себя как козел. Я, эм... все-таки толком не отдохнул.

Хлоя натянуто улыбнулась и пожала плечами:

– Ничего страшного, если ты передумал.

Он задал очень умный вопрос:

– Что?

– Насчет нашего договора. Я тебя консультирую, а ты меня покатаешь.

«Не в этом смысле покатаю», – одернул он свой член.

– Я понимаю, что вынудила тебя, – продолжила она. – Есть у меня такая склонность.

Никогда бы не подумал.

– Но, если ты передумал, пожалуйста, так и скажи. Не переживай о моих чувствах. У меня их очень мало.

Судя по ее тону, Рэд понял, что насчет последнего она нагло врет. Когда Хлоя шутила, ее голос становился чуточку серьезнее, чем когда она *действительно* говорила серьезно. И все же он не смог удержаться от возражений:

– Уверен, их у тебя не так уж и мало.

Она снова пожала плечами.

– Я не передумал, – сказал он ей.

Хлоя слегка улыбнулась, и его сердце пропустило удар. Ее озарила такая тихая, тайная радость, она была такая невозможно милая, что Рэд просто – просто не мог – ой, да твою же мать!

– Тогда хорошо, – сказала она с робким теплом в голосе.

Ой, да *твою же мать!* Даже если бы она нахамила ему и заставила почувствовать себя настоящим чудовищем, он не мог вести себя по-мудачки с Хлоей Браун – больше не мог. Рэд принял этот факт и пообещал себе, что не будет повторять прежних ошибок. Не запнется и не полетит в жизнеразрушающую черную дыру, придумывая оправдания идеальной, на первый взгляд, женщине. Да ему бы и не удалось. Во-первых, он не считал, что Хлоя идеальна. Во-вторых, между ними ничего нет и никогда не будет. Так что вот. Он в полной безопасности.

Некоторое время они стояли, таращась друг на друга, как два дурака. В итоге Рэд прочистил горло и сказал:

– Смена плана. Не возражаешь посидеть у меня в комнате?

Губами она не улыбнулась, но глаза ее засияли, как бриллианты:

– Не знаю. Ты же не собираешься меня соблазнить, правда?

Он чуть не подавился собственным языком.

– Боже милостивый, – засмеялась Хлоя, пока Рэд собирался с духом и с мыслями. – Не надо так ужасаться!

– Я не... в смысле... «ужасаться» – это очень сильно сказано.

Она покачала головой:

– Серьезно. Я просто пошутила, Рэдфорд.

– Рэд, – поправил он, потому что больше сказать было нечего.

– Я просто пошутила, Рэд.

Он снова прочистил горло:

– Просто чтобы, эм, просто чтобы прояснить, ты... ты не выглядишь ужасающей.

– Конечно нет, – ответила Хлоя. – Я чрезвычайно привлекательна. Так что же – пойдем наконец сядем?

Рэд сдержал улыбку и повел ее к себе в спальню. А потом задумался о том, чем же он, блин, думал. Недотрах что, снижает уровень интеллекта? Возможно. Это было единственное разумное объяснение тому, что он решил впустить Хлою в свою комнату, – она же место, где он почти кончил на эту женщину. Он не мог посмотреть на нее. На кровать он не мог посмотреть тоже, и без этого зная, что одеяло смято там, где он лежал и...

Что ж. Будем честны: лучше об этом просто даже и не думать.

– Тут как-то не очень художественно, – с иронией заметила Хлоя, обшаривая комнату взглядом.

Особенно пристально она посмотрела на стопку книг по истории искусства на комод. Рэду захотелось проверить, закрыл ли он ящик с нижним бельем.

– А чего ты ожидала? Отпечатков пальцев на стенах?

– Значит, ты на этом специализируешься? На рисовании пальцами? – Она поглядела на его руки.

Ладони закололо от ложного воспоминания о прикосновениях к ней.

Рэд стиснул ладони в кулаки и помотал головой:

– Образно. Я пишу акрилом. Я... неважно. Мне же придется показать тебе, не так ли?

Для сайта?

– Да, – едва слышно сказала она. – Для сайта.

Рэд схватил кресло, которое держал в углу, и придвинул поближе к кровати. Хлоя элегантно опустилась в его клетчатые потрепанные глубины. Она скрестила ноги, от чего, кажется, ее юбка немного приподнялась, но Рэду знать об этом было неоткуда, потому что он совершенно точно туда не смотрел. Он твердо велел своим глазам фокусироваться исключительно на ее ушах (которые, будучи хорошенькими, не особенно возбуждали), носу (аналогично) и стене за ее спиной. Пока что дело шло более-менее нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.